

УНИВЕРСИТЕТ ВЪНШНА АНТРОПОЛОГИЧЕСКА ШКОЛА



Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова

*Под редакцией
М. М. Казанского и А. В. Мастыковой*

Библиотека



КИШИНЕВ
2022

Каждого смертного
ждет кончина! —
пусть же, кто может,
вживе заслужит
вечную славу!
Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная!

«Беовульф»

902/904(092)(082)

Д 762

**Печатается по решению Ученого совета
университета «Высшая антропологическая школа»**

Редакция *Stratum plus* выражает благодарность Институту Археологии РАН
за поддержку издания сборника, посвященного памяти О.В. Шарова

Составители и ответственные редакторы:
доктор хабилитат археологии М. М. Казанский
доктор исторических наук А. В. Мастыкова

Редколлегия:
кандидат исторических наук А. В. Энговатова
доктор исторических наук И. Л. Тихонов
доктор истории М. Е. Ткачук
доктор истории Р. А. Рабинович
доктор истории Л. А. Мосионжник
доктор истории Д. А. Топал

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова = The footsteps of my friends leaving ... Ad memoriam Oleg Sharov / Ун-т Высшая антропологическая школа ; сост. и отв. ред.: М. М. Казанский, А. В. Мастыкова. – Кишинэу : Stratum Plus, 2022 (F.E.-P. "Tipografia Centrală") – 346 p. : fig., fot., tab. – (Библиотека "Stratum" = Library "Stratum", ISBN 978-9975-3198-0-5).

Cuprins, rez. paral.: lb. engl., rusă. – Referințe bibliogr. la sfârșitul art. – 100 ex.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF).

902/904(092)(082)

Д 762

Сборник научных работ посвящён памяти Олега Васильевича Шарова — известного археолога, специалиста по древностям римского времени юга Восточной Европы. В книгу включены воспоминания о О.В. Шарове, его неопубликованные работы, а также статьи коллег.

Тематика публикуемых материалов широка, но соответствует научным интересам О.В. Шарова. Это исследования по бронзовому и раннежелезному веку, античности и эпохе Великого переселения народов.

Редакторы выражают надежду, что книга будет интересна читателям, интересующимся древней историей: археологам, историкам, преподавателям вузов и школ, студентам и старшеклассникам.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF)

© М. М. Казанский, А. В. Мастыкова, 2022.

© Университет «Высшая антропологическая школа», "Stratum plus" P. P.

© Обложка: Д. А. Топал, 2022.

Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина

Технический координатор: Ж. Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник

Редактор карт: Л. А. Мосионжник

Корректор: С. Н. Разумов

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY



THE FOOTSTEPS OF MY FRIENDS LEAVING ... AD MEMORIAM OLEG SHAROV

*Edited by
Michel Kazanski and Anna Mastykova*



KISHINEV
2022

Памяти
Олега Васильевича Шарова
посвящается



In memory of Oleg Sharov

СОДЕРЖАНИЕ

М. Е. Ткачук (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Мой друг — Олег Шаров	11
А. В. Энговатова (<i>Москва, Россия</i>). О. В. Шаров в Институте археологии РАН	15

ПАМЯТЬ

Г. В. Шарова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Про Олега	19
Е. Ю. Гиря (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Черты к портрету археолога нашего времени	29
И. Л. Тихонов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Полевые сезоны Олега Шарова . . .	35
М. Ю. Афанасьев (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Осененные «Фарном»	45
Фотоальбом	49

НАСЛЕДИЕ

О. В. Шаров (†). Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму . . .	71
О. В. Шаров (†), Д. А. Костромичев (<i>Севастополь, Крым</i>), Н. Ю. Новоселова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Катакомба 23/1891 из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича: исследования 2020 года	87

HOMMAGE

А. В. Энговатова, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова (<i>Москва, Россия</i>), А. А. Канапин, А. А. Самсонова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), М. Б. Медникова (<i>Москва, Россия</i>). Новые данные по фатьяновской культуре: анализ древней ДНК в погребениях Волосово-Даниловского могильника	115
К. В. Чугунов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Парадигма М. Б. Щукина и О. В. Шарова — опыт применения в хронологии комплексов раннескифского времени Тувы	129
Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко (<i>Краснодар, Россия</i>). Меотское погребение с «очковидными» псалиями	143
А. М. Обломский (<i>Москва, Россия</i>). Комплекс поселений позднескифской культуры у с. Стаево в верховьях р. Воронеж во II в. до н.э. — II в. н.э. . . .	153

А. И. Дробушевский (Санкт-Петербург, Россия). Зарубинецкая культура и бастарны	171
П. В. Шувалов (Санкт-Петербург, Россия). Будинского бобра за кельтскую гривну? К вопросу о предыстории пушного промысла и торговли в Восточной Европе	191
В. В. Приймак (Сумы, Украина). Погребения сарматского времени бассейнов верхней Сулы и верхнего Псла (начало I тыс. н. э.)	221
М. М. Казанский (Париж, Франция), А. В. Мастыкова (Москва, Россия). Эстии и германцы в римское время. О соотношении археологических культур и этнонимов письменных источников	235
Я. Е. Беспальчикова (Санкт-Петербург, Россия). Готский шаманизм как исследовательская проблема	247
М. В. Любичев (Харьков, Украина), Э. Шультце (Берлин, Германия). Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш	253
Б. В. Магомедов (Киев, Украина). Гребни черняховской культуры: магическая функция	281
Э. Иштванович (Ньиредьхаза, Венгрия), В. Кульчар (Сегед, Венгрия), А. А. Стоянова (Симферополь, Крым). Фибулы в костюме населения сарматского времени предгорного Крыма и Альфёльда	295
А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Склеп 197 раннего горизонта могильника у с. Лучистое в Юго-Западном Крыму	323
Ж. Пинар Жиль (Градец-Кралове, Чехия). Служебные инсигнии, дипломатические подарки и предметы моды: на некоторых фибулах V века в Адриатико-Альпийском регионе (на англ. яз.).	335
Список сокращений	345

C O N T E N T S

M. E. Tkachuk (*Kishinev, Moldova*). **My Friend Oleg Sharov** 11

A. V. Engovatova (*Moscow, Russian Federation*). **O. V. Sharov in the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences** 15

M E M O R Y

G. V. Sharova (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **About Oleg** 19

E. Yu. Giryа (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **A few details to the portrait of a modern archaeologist** 29

I. L. Tikhonov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Field seasons of Oleg Sharov** 35

M. Yu. Afanasjew (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Overshadowed by “Farn”** 45

Album of Photos 49

H E R I T A G E

O. V. Sharov (†). **Hieratic Complex Taraktash in the Eastern Crimea** 71

O. V. Sharov (†), D. A. Kostromichyov (*Sevastopol, Crimea*), **N. Yu. Novoselova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Crypt 23/1891 from the Archaeological Excavations Led by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich: new studies in 2020** . . . 87

H O M M A G E

A. V. Engovatova, Kh. Kh. Mustafin, I. E. Al’borova (*Moscow, Russian Federation*), **A. A. Kanapin, A. A. Samsonova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **M. B. Mednikova** (*Moscow, Russian Federation*). **New Data on the Fatyanovo Culture: Analysis of Ancient DNA in the Burials of the Volosovo-Danilovsky Burial Ground** 115

K. V. Chugunov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Paradigm of M. B. Schukin and O. V. Sharov — the Experience of Using It in the Chronology of Complexes of the Early Scythian Time in Tuva** 129

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko (*Krasnodar, Russian Federation*). **Maeotian Burial with the “Eye-glass”-shaped Cheek-pieces** 143

A. M. Oblomskiy (*Moscow, Russian Federation*). **The Complex of Settlements of the Late Scythian Culture near Village Staevo in the Upper Reaches of the Voronezh River in the 2nd Century BC — 2nd Century AD** 153

A. I. Drobushovski (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Zarubintsy Culture and Bastarnae	171
P. V. Shuvalov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). One Boudini Beaver for a Celtic Grivna? On the Question of the Prehistory of Commercial Hunting and Fur Trade in Eastern Europe	191
V. V. Priymak (<i>Sumy, Ukraine</i>). Burials of the Sarmatian Time of the Upper Sula and Upper Psel Basins (Beginning of the 1st Millennium AD)	221
M. M. Kazanski (<i>Paris, France</i>), A. V. Mastykova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Aestii and Germans in Roman Period. On the Relationship of Archaeological Cultures and Ethnonyms from Written Sources	235
Ya. E. Bespalchikova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Gothic Shamanism as a Scholarly Issue	247
M. V. Lyubichev (<i>Kharkiv, Ukraine</i>), E. Schultze (<i>Berlin, Germany</i>). Multiple Burials in the Cemeteries of the Chernyakhov-Sântana de Mureş Culture . .	253
B. V. Magomedov (<i>Kyiv, Ukraine</i>). Combs of the Chernyakhov Culture: Magical Function	281
E. Istvánovits (<i>Nyíregyháza, Hungary</i>), V Kulcsár (<i>Szeged, Hungary</i>), A. A. Stoianova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Brooches in the Costume of the Sarmatian Age Population in the Crimean Piedmont and the Great Hungarian Plain . .	295
A. I. Aibabin , E. A. Khairedinova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Vault 197 beyond the Horizon of the Cemetery near the Village Luchistoe in the Southwest of the Crimea	323
J. Pinar Gil (<i>Hradec Králové, Czech Republic</i>). Office insignia, diplomatic gifts and fashion items: on some 5th century brooches in the Adriatic-Alpine area . .	335
Abbreviations	345

П. В. Шувалов

Будинского бобра за кельтскую гривну? К вопросу о предыстории пушного промысла и торговли в Восточной Европе*

Keywords: Eastern Europe, fur, trade, La Tène, Celts, Gallic Veneti, Baltic Venedae, grivna, bracelets, Early Slavs

Ключевые слова: Восточная Европа, пушнина, промысел, латен, кельты, галльские венеты, балтийские веныды, гривна, браслеты, ранние славяне

P. V. Shuvalov

One Boudini Beaver for a Celtic Grivna? On the Question of the Prehistory of Commercial Hunting and Fur Trade in Eastern Europe

The influence of the great civilizations in antiquity reached far outskirts. The direct or indirect impact of the center of civilization on its periphery led to cascades of changes through chain reactions, migrations, changes in culture and language, and the emergence of new centers of power. Often such influences were exercised through trade along interregional routes. The emergence of the system of European fur trade, perhaps, refers to the heyday of Scythia and Celtica. According to Herodotus, the Boudini are engaged in the hunting of beavers. In the LT-B period, bracelets from the Danube region were imported into the forest zone, correlated with the common Slavic *grivъna (V. Kuleshov). The main role in their distribution in the forest zone is played by the Milograd culture, while they almost do not fall into the culture of hatched ceramics. In the III century after the end of Great Scythia, a decline in the fur trade is expected, reviving after the appearance of the Bastarns and the formation of the Zarubintsy culture in the south, and in the west due to the expansion of the Gallic Veneti on the Amber Coast. This will lead to migrations in the forest zone (hatched pottery, Milograd, brooches, enamels). The pressure of the Sarmatians and Goths on the forest zone will lead to an even deeper penetration of the fur trade into the very depth of the forest. The arrival of the Huns and the new fashion for furs catalyse this process, which will be expressed in the penetration of armed detachments from the Danube and Lithuania up to the zone of the Pskov long mounds.

П. В. Шувалов

Будинского бобра за кельтскую гривну? К вопросу о предыстории пушного промысла и торговли в Восточной Европе

Влияние великих цивилизаций древности достигало далёких окраин. Прямое или опосредованное воздействие центра цивилизации на свою периферию приводило к сильным переменам у соседей, вызывая каскады изменений по цепным реакциям, миграции, смену культуры и языка, возникновение новых центров власти. Часто такие влияния осуществлялись через торговлю вдоль междорегиональных путей. Частным случаем тут является торговля пушниной, механизм которой хорошо известен по североамериканскому материалу. Возникновение системы европейского пушного промысла, возможно, относится ко времени расцвета Скифии и Кельтики. Добычей бобров, по Геродоту, занимаются будины. В период LT-B в лесную зону импортируются браслеты из Подунавья, соотнесённые с общеславянским *grivъna (В. С. Кулешов). Главную роль в распространении их в лесной зоне играет милоградская культура, в то время как в культуру штрихованной керамики они почти не попадают. В III в. после гибели Великой Скифии предполагается спад пушной торговли, оживающей после появления бастарнов и образования зарубинецкой культуры на юге, а на западе в связи с экспансией галльских венетов на Янтарном берегу. Это приведёт к миграциям в лесной зоне (штрихованная керамика, милоград, фибулы, эмали). Давление сарматов и готов на лесную зону повлечёт ещё более глубинное проникновение пушного промысла в глубь лесов. Приход гуннов и новая мода на меха катализируют этот процесс, что выразится в проникновении промысловых отрядов из Подунавья и Прибалтики на север вплоть до зоны псковских длинных курганов.

* Пользуюсь возможностью выразить искреннюю благодарность помогавшим мне коллегам и в особенности: Александру Владимировичу Симоненко за дружескую помощь и консультирование в наше непростое время, Леониду Александровичу Вязову за конструктивную критику и знакомство с результатами новейших остеологических исследований, и *last but not least* Михаилу Михайловичу Казанскому за поистине ангельское терпение, безжалостную редакторскую строгость и дружескую помощь и критику. Естественно, за допущенные мною ошибки и неточности никто, кроме меня ответственности не несёт.

Цивилизация и периферия

Структурно более сложное, экономически более развитое общество, обладающее более утончённой культурой («высокоразвитое общество», а при наличии урбанизма, монументальной архитектуры и письменности — «цивилизация»), как правило формирует вокруг себя из более слабых сообществ («периферия») пояс влияния и осуществляет туда колониальную экспансию. Прямое или опосредованное воздействие центра цивилизации на свою периферию временами приводит к сильным переменам у соседей, вызывая каскады изменений по цепным реакциям. Такие влияния при определённом стечении обстоятельств приводят к миграциям, смене культуры и языка, возникновению новых властных центров. Это поле «цивилизационного напряжения» достигает вдоль коммуникационных линий иногда весьма отдалённых областей, относящихся скорее не к периферии, а уже к, так сказать, *terra incognita*, где о существовании Центра вряд ли кто-то знает. Постепенно эти новые области втягиваются в поле цивилизационного напряжения, отодвигая дальнюю границу периферии. Со временем там формируются свои местные центры, привязанные по коммуникационным трассам информационными связями, потребностями торговли и дипломатией к Центру через цепочки посредников. Некоторые из таких новых центров вырастали в самостоятельные, так сказать, вторичные цивилизации (критомикенская, греческая классическая).

Влияние великих цивилизаций древности распространялось не только на их ближайших соседей, но через цепочки посредников достигало и далёких окраин тогдашней ойкумены. В качестве примера тут можно привести находки этрусских вещей в Скандинавии и в Польше (Pruyot 1998: 185—186), бус из египетского фаянса и подвески в виде скарабеев и львов в восточноевропейской степи и лесостепи (Воронятов 2012: 74, рис. 5; 75), римских монет на южном берегу Финского залива (Шаров и др. 2011; 2015) и многое другое. Но, естественно, не всякое влияние обязательно отражалось в наших источниках. Кроме того, нельзя забывать, что часто влияние было не непосредственным (римские торговые агенты, чья информация отразилась у Птолемея, и римские монеты в Ингрии), а проходило по цепочке посредников, генерировавших под воздействием доходивших до них новшеств свои собственные влияния и воздействия, затемнявшие затухающие волны, исходившие из Центра. В результате, современные иссле-

дователи иногда фиксируют только отдельные звенья таких цепочек влияний. Очевидно, что эти дальние контакты могли иметь разные основы: экспорт сырья из периферии (например, британское олово, балтийский янтарь, индийские самоцветы, аравийский ладан), копирование периферией политтехнологии более развитого центра (например, возникновение рунического письма в Северной Европе, приобщение к христианству, подражание варварами государственным структурам империи), проникновение на периферию новых идеологий (например, распространение христианства среди готов), заимствование периферией новинок из сферы престижной моды, предметов высокотехнологического производства и т.д. Строго говоря, всей совокупностью такого рода воздействий и определяется дальняя граница периферии той или иной цивилизации, за которой начиналась *terra incognita*, где заканчивалась ойкумена. При этом и сама эта граница, и интенсивность воздействия менялись во времени. Очевидно, что сила и отчасти глубина воздействия на периферию возрастала с увеличением спроса у потребителей и финансово-организационных возможностей у импортёров товаров. И наоборот, падение спроса и сокращение возможностей влекло за собой ослабление влияния центра. Когда происходил существенный спад активности центра или наоборот существенный рост спроса на блага цивилизации у варваров, в зоне периферии мог возникать дефицит ввозимых из центра товаров, что могло стимулировать повышение интереса периферии к источникам этих товаров. При определённом стечении обстоятельств такой интерес мог стать исходным генератором центростремительных нашествий варваров на цивилизованные страны. Зато при резком возрастании спроса в центре периферийные поставщики могли не успевать удовлетворять потребности центра, что влекло за собой выживание имеющихся источников сырья «под чистую» и поиски новых источников. Это, в свою очередь, могло приводить к центробежным миграциям групп добытчиков и/или к межплеменным конфликтам за источники сырья. И тогда в результате изменения спроса в центре могли происходить изменения в этно-культурной и политической ситуации вдоль коммуникационных трасс на отдалённой окраине периферии. Впрочем в различных пунктах вдоль таких силовых линий не только начинались цепочки военно-политических и этно-культурных изменений, приводивших к масштабным войнам, переселениям и рождению новых сообществ, но и временами возникали центры кон-

троля и центры власти, перераставшие со временем в протогосударственные структуры.

Роль дальней торговли

Вряд ли я ошибусь, если выскажу мысль, что одним из главных просчётов при построении общей теории возникновения государств и раннеклассовых обществ в историографии советского периода было слабое внимание к фактору межрегиональных коммуникаций, вдоль которых, как правило, и происходил процесс политогенеза. Классическая марксистская советская схема исходила из того, что организованная международная торговля является следствием классообразования и политогенеза, а не наоборот: возникновение государства понималось как следствие внутренних процессов разложения родоплеменного строя и классообразования, а вовсе не как следствие реагирования родоплеменной верхушки на внешний фактор торгово-экономического воздействия. Торговая теория возникновения Руси В. О. Ключевского — А. Е. Преснякова была сначала академично раскритикована и объявлена немарксистской (напр., Пархоменко 1938), затем постепенно задвинута вообще, а «русский буржуазный историк» А. Е. Пресняков (ум. 1929), бывший с 1927 г. профессором Института красной профессуры, даже в 1955 г. так и «не сумел освободиться от буржуазно-идеалистич.(еской) методологии» (БСЭ², т. 34: 440), получив портрет и академическую характеристику в энциклопедии лишь к 1968 г., но всё равно не удостоившись чести стать «... и советским историком» («рус.(ский) историк» — ИЭ, т. 11: 534—535). Между тем конкретные исторические исследования постепенно выявляли всё большую роль торговых коммуникаций. В первую очередь, это относится к Пути из Варяг в Греки и проблеме возникновения русского государства. Но Русь тут не является исключением, а скорее правилом.

Общеизвестен Великий шёлковый путь. Давно признана роль торговли балтийским янтарём и аравийским ладаном в формировании межрегиональных коммуникаций и центров власти (Гнезно и Прага; Петра, Медина и Мекка). Сейчас можно считать доказанным, что освоение финикийцами и фокейцами западного Средиземноморья и путей на север Атлантики было обосновано существовавшей ещё с микенского времени системой торговых коммуникаций с Ближнего Востока к британскому олову на Касситеридских островах (*Scilly islands*), в которую, скорее всего, был втянут и мир древних кельтов.

На транспортных узлах этой коммуникационной системы возникли практически все государственные центры в этом регионе (Татесс, Карфаген, полисы Великой Греции, Этрурия, Массалия) и многие крупные племенные конфедерации (вольки, арверны, эдуи, венето-армориканская).

Бобровые войны и последствия борьбы за промысловые угодья

Одним из товаров, поставлявшихся с периферии в цивилизационный центр, иногда становились меха, пушнина. То, насколько существенным может быть фактор добычи пушнины для истории конкретного региона, показывает колониальная история Северной Америки (см. например: Брассер 1978: 36—41; Фентон 1978: 123—145; Хикерсон 1978: 165—181; Hladу 1960—61; Хелм, Ликок 1978: 367—379, 384—394; Шувалов 2014: 170—172). Очевидно, что историю освоения европейцами Северной Америки (также как, кстати, и Русского Севера и Сибири) не возможно рассматривать вне контекста промысла пушнины и шкур. Так называемые «бобровые» войны привели не только к обогащению и возвышению одних племён над другими, но и к быстрой и местами полной замене предшествующего населения (гуронов, моги-кан, делаваров, шауни, иллиной, оттава и др.) более удачливыми пришельцами (ирокезами) на огромной территории от Гудзона и Потомака до Миссисипи и озера Мичиган. Местами же ирокезы включали покорённые племена в свой состав на правах «плебеев». Эти и подобные им события вызывали цепочки подвижек племён (лесные кри > дене-чипеваи > дене-слэйви и -жёлтые ножи > дене-догриб; кри и оджибве > ассинибойны и сиу > шейены > кайова) вплоть до Маккензи на северо-западе и Оклахомы на юге. В результате территории некоторых наиболее удачливых народов вытягивалась своего рода языком от мест их первоначального расселения ко всё более удаляющимся промысловым зонам. Наиболее ярким примером тут могут быть кри, чья территория (без учёта родственных наскapi и монтанье) в результате их промысловой экспансии за пару веков протянулась с востока на запад на три тысячи километров (от оз. Мистассини в Квебеке до Пис-ривер в Альберте — расстояние, равное расстоянию от Пелопоннеса до Белого моря). Другой пример — оджибве из «конфедерации трёх огней» (оджибве, оттава и потаватоми), территория которых в результате монопольного доступа

оттава (по преданиям они были торговыми посредниками ещё до прихода европейцев) к французским факториям увеличилась в западном направлении раза в два за счёт земель сиу и других, достигнув размаха в две тысячи километров (от р. Оттава на востоке до р. Саскачеван западе).

При этом важно, что вместе со смешивавшимися между собой кри-оджибве-оттава на запад продвигались и французские первопроходцы, которые, женись на скво, вскоре образовали особую группу аборигенов-билингвов под названием «метисы», из которых наиболее известно племя метисов с Ред-ривер. При благоприятном стечении обстоятельств это могло бы привести к постепенной францизации всей территории от Квебека до Миссури. Аналогичное явление имело место при русификации и христианизации алеутов. Непосредственной причиной успешности и оджибве, и кри, и ирокезов, конечно, были поставки им огнестрельного оружия их английскими и французскими союзниками. Но заимствование у своих союзников более прогрессивных видов оружия существовало и в древности. Приведённые примеры показывают, что межплеменные торговые войны могли приводить к смене языка и этничности на огромных пространствах, приводивших к изменению лингвистической карты огромного региона.

Итак, североамериканский материал показывает, что при активном пушном промысле происходят следующие процессы: распространение племенных зон на новые территории «языками» вдоль коммуникационных путей, миграции и деление племени «каскадом по цепочке» вдоль коммуникационных линий, одновременное распространение двух языков (французский и кри, оджибве), активность двух соподчинённых племенных групп (кри и чайпеваев), возникновение новых локальных групп и племён, метисация населения и как результат появление новых этнических групп, билингвизм в новых группах при наличии кроме того торговых языков.

Два направления пушной торговли в Европе

Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы, где по современным представлениям находилась прародина славянства, на протяжении тысячелетия, предшествовавшего появлению славян, находились под постоянным волнообразным прямым или опосредованным воздействием более развитых соседних обществ и культур Северного При-

черноморья и степной зоны, Центральной и Юго-Восточной Европы. Эти внешние влияния не могли не стимулировать те или иные инновационные процессы в консервативных обществах восточноевропейских лесов, временами приводивших к существенным изменениям местных этно-культурных структур. Часто исходный источник культурного или экономического импульса, достигавшего восточноевропейских лесов, находился вовсе не по-соседству, а далеко в Средиземноморье или на Ближнем Востоке. Для лесов Восточной Европы, также как и для Севера (см.: Казанский 2010), одной из важных составляющих таких контактов с более цивилизованными соседями издревле был экспорт пушнины (в первую очередь — мех бобра, а также выдры, куницы-соболя, белки и др.). Возможно, некоторую роль играл экспорт мёда («понтийский» мёд был знаменит у греков) и экспорт белокурых рабов и рабынь как в древности («в Восточное Средиземноморье преимущественно из района Чёрного моря» — Braunert 1965), так и в средневековье (например, сакалиба в мусульманском мире — Мишин 2002). Впрочем, судя по документам II—I вв. до н.э., Восточная Европа вряд ли была одним из основных поставщиков рабской силы: из двух сотен рабов 47 было из Эгеиды, 46 с северных Балкан, 38 из Сирии, 37 из Малой Азии, 13 из других частей Азии, 10 из Восточной Европы, 4 иудея, 3 египтянина, 2 из северной Африки (Westermann 1935: 933—934, 1003—1005). Есть мнение, что могло экспортироваться железо (Мельниковская 1967: 152). В обмен на эти товары восточноевропейский лес в первую очередь получал изделия из меди и её сплавов (Шаров и др. 2011; 2015) и из серебра (Маршак 2006), а также из стекла. Сто лет назад господствовало мнение, что возникновение торговли пушниной на севере Европы относится ещё если не к эпохе неолита (Brass 1911: 5), то как минимум к эпохе бронзы (Hennig 1930: 2—4). Но это применимо, скорее, только к межобщинному обмену на микрорегиональном уровне, наподобие сезонных межплеменных ярмарок (как, например, между горцами-кутене и степняками-черноногими в Монтане). Временами, конечно, могли возникать цепочки таких контактов, складывавшихся вместе в трансрегиональные связи. Но настоящая межрегиональная торговля в Европе с дальними поездками с тюками товаров, вероятно, если и была в неолите, то лишь исключением, а не широко распространённой нормой: при низкой плотности населения и отсутствии ярко выраженных центров власти истощение/сохранение охот-

ничьих угодий вряд ли было неравномерным по территории, и каждый небольшой регион, скорее всего, имел свои собственные угодья. Возникновение межрегиональной торговли престижными шкурами, возможно, уходит корнями на Ближний Восток, когда месопотамские элиты распространили своё торговое влияние далеко за пределы Двуречья. В дальнейшем ассирийские и финикийские купцы торговали престижными шкурами (Cleland et al. 2007: 75). Специфические черты такой торговли можно исследовать по соответствующим источникам (какие существуют, например, по аккадским торговым факториям). Очевидно лишь, что тогда уже существовала в культуре символическая связь между правителем и шкурой льва (впрочем, магическая тяга человека к кошачьим имеет и чисто биологическую основу: Дольник 2007: 87—89, 219—221). По крайней мере, Гомер одевает своих героев в шкуры леопарда и льва, их преподносят как дары.

В классическую античность в письменных источниках зафиксирована торговля мехами, но ни латинская, ни греческая терминология не позволяет в большинстве случаев отличить кожи от шкур, а шкуры от мехов. Шкуры и мех использовались и греками, и римлянами в классическую эпоху в основном как покрывалки для сидений, как одежда для рабов и провинциалов, как лечебные и магические средства, как элемент военной экипировки, но никогда как престижные вещи (Schneider 1937: 369—373; Reichstein 2002: 547). В знаменитом эдикте 301 года о ценах императора Диоклетиана в разделе о кожах/шкурах среди двух десятков пар позиций необработанная/обработанная к диким животным относятся двенадцать пар (ed. de prec. 8, 19—41, ed. Mommseni—Blümneri):

- гиена за 40/60 денариев¹ (ed. de prec. 8, 19—20);
- газель 10/15 δ (21—22);
- олень 75/100 δ (23—24);
- дикий баран [15]²/30(или 25³) δ (25—26);
- волк 25/40 δ (27—28);

¹ 1000 общих денариев (δ) равнялось 1 золотому, который был равен примерно трёх-четырёхмесячному бюджету бедной семьи.

² Здесь и далее [] отмечен испорченный текст, восстанавливаемый издателем из общих соображений, т. к. в имеющихся 4 (5) надписях это место сколото (Blümner 1893: 4, 26—27). Издание Lauffer 1971, мне было не доступно.

³ Разночтение по разным надписям: из *Gerontae* (из *Megara*).

- *melis* (куница или барсук — Blümner 1893: 124) 10/15 δ (29—30);
- бобр [20]/30 δ (31—32);
- медведь 100/150 δ (33—34);
- рысь 40/60 δ (35—36);
- тюлень 1250/1500 δ (37—38);
- леопард 1000/1250 δ (39—40);
- лев —/1000 δ (41).

Из них к восточноевропейской пушнине может относиться только *melis*, бобр, медведь и рысь, а также волк (о значении разных промысловых зверей см.: Reichstein 2002). При этом, судя по соотношению цены волк—*melis*—бобр—медведь—леопард, *melis* и бобр не считались престижным мехом. Исходя из этого, можно с уверенностью заключить, что в конце III в. меховая одежда по-прежнему не была популярна в Средиземноморье и считалась признаком варварства, дикости и некультурности. Соответственно и торговля мехом ограничивалась лишь потребностями медицины, армии и повседневного быта.

Для поздней же античности и эпохи переселения народов есть прямые свидетельства Кассиодора (Cassiod. apud Iord. Get. 21. 32. 37) о двух направлениях пушной торговли: восточных (Маршак 2006: 80) через хунгуров и, возможно, через порты Северного Причерноморья, в особенности через Херсонес, «в который жадный купец ввозит добро из Азии», и западном через свеев и тюрингов в Равенну. Вот текст этих фрагментов, грубо сшитых Иорданом в единое повествование: «(21)... племя (*gens*) живёт там «суеханс»⁴, которое/ые (*quae*) подобно тюрингам держат (*utuntur*) превосходных коней. [Они и есть те, которые (видимо, это вставка Иордана)] пересылают посредством торговли (*commercio*) через бесчисленные другие племена иссиния-чёрные⁵ меха для потребления римлян, славясь великопленной чернотой мехов. [Эти], живя в бедности, носят богатейшую одежду.... (32) А

⁴ Suehans. Несомненно это свей, т. к. по-готски реконструируется: свей — *sweha, мн. число — *swehans.

⁵ *Sappherinas pelles*, 'иссиния-чёрные меха', а не 'голубые'. Здесь совершенно права Е. И. Скржинская (Скржинская 1960: 192 прим. 55 без ссылки на литературу). Греч. σαφειρίνος определяется (Δημητράκου 1964: 1098 s. v.) как βαθυκόκκινος, которое в свою очередь определяется как 'глубоко иссиния-чёрный'. Основа κόκκινος применима для обозначения воронёной стали, чернобровости, тёмноволосости (Δημητράκου 1964: 755). У Иордана с характерной для него ошибкой: *sappherinus* вместо *sapphirinus*. По-латыни слово *sapphirinus* используется в основном юридическими и религиозными авторами: Дигесты, Вульгата, Иероним.

по той стороне, которая примыкает к понтийскому взморью, она (Скифия) покрыта неизвестными городами: Борисфениды, Ольвия, Каллипода, Херсона, Феодосия, Карей, Мирмекий и Трапезунта, основать каковые позволили грекам непокорённые скифские народы, чтобы (эти города) осуществляли с ними торговлю (*commerciam*). ... (37) ...Альтциагиры, которые летом кочуют по степям, на обширных пространствах в зависимости от (того, куда) повлечёт (их) корм для скота, зимой, [возвращаясь (вставка Иордана)] к Понтийскому морю, (живут) возле Херсоны, куда алчный купец (*mercator*) ввозит добро из Азии. [... — тут текстологический шов] Хунугуры [же известны оттого, что (опять вставка Иордана)] от них идёт торговля шкурами мышей (*pellium murinarum commercium*)»⁶.

Итак, можно резюмировать. На рубеже V/VII вв. свеи (шведы), как-то связанные в сознании Кассиодора с тюрингами, пересылают по длинной цепочке торговых посредников великолепные своей чернотой дорогие иссиня-чёрные меха. Любопытно, что адресатом этой торговли являются уже римляне! В Северном Причерноморье много греческих городов, основанных ради торговли, в т.ч. Херсонес, куда купцы привозят азиатские товары. Поставляют же на рынок меха хунугуры (*Hunuguri*: гапакс с надёжной рукописной традицией) — это, судя по их имени, либо оногуры в Предкавказье (Скржинская 1960: 121 прим. 223) или на Дону (Казанский 2016: 97; 2017, что впрочем вызывает некоторые обоснованные сомнения: всё-таки **hunugur* ≠ **on-ugur*, но Анфертьев 1991: 142, предполагает протетическое *h-* под влиянием этнонима *Hunni*), либо же это лесные охотники утры или, точнее, мадьяры, возможно бывшие тогда лесными охотниками Прикамья, ср. лат. *Hungari* (так у Анфертьева 1991: 143 прим. 139). И если эти загадочные хунугуры не контролировали донские или прикавказские степи (отождествление хунугуров с оногурами мне не кажется убедительным), то в экспорт мехов из лесов должны были быть вовлечены ещё какие-то посредники на пути через степь, по крайней мере в низовьях Дона, где уже не существовало никакого порта, т.к. Танаис после событий около 463 г. лежал в развалинах;

тем более, что в пользу такого маршрута говорят многочисленные археологические находки, позволяющие утверждать, что «население Верхнего Дона служило промежуточным звеном в поступлении северного меха» в нижнее Подонье (Казанский 2017: 222). Но вряд ли в кон. V — перв. пол. VI в. Нижний Дон контролировался оногурами, т.к. Проконий и затем Агафий однозначно поселяют там кутригуров с утигурами на разных берегах реки. Так что, на мой взгляд, предпочтительнее выглядит реконструкция этого пушного пути таким образом: от хунугуров где-то в глубине лесов Среднего Поволжья или Прикамья — через т.н. группу Чертовичское-Замяттино, в верховьях Дона — к Азовскому морю — на Боспор Киммерийский или через Перекоп к Херсонесу. Переход к Херсонесу или Пантикапею видится более предпочтительным, чем выход на Тамань, т.к. правобережье и левобережье Дона контролировались двумя различными ордами, утигуров и кутригуров, находившихся в весьма не простых отношениях. При этом путь на юг мог быть водным, а на север, скорее всего, конным по путям, известным позже как Кальмиусский шлях и Ногайская дорога, по которым, скорее всего, кутригуры и должны были осуществлять свои сезонные перекочёвки, находясь скорее всего на стадии кочевания Па по С. А. Плетнёвой (иначе см. Казанский 2020: 120, где, впрочем, сам автор отмечает несоответствие собранного материала предполагаемой С. А. Плетнёвой I-й стадии кочевания). Но в любом случае, очевидно, что мы здесь имеем дело с двумя независимыми рынками пушнины: фенноскандским и причерноморско-поволжским (подробнее см.: Шувалов 2004: 76—78).

Однако, затем в каролингскую эпоху письменные источники свидетельствуют об упадке интереса к дорогим мехам и соответственно об упадке пушной торговли в Западной Европе, а для удовлетворения низкого спроса на меха каролингской элиты было достаточно локальных ресурсов (бобр, выдра, куница, лисица, белка — Delort 1993/1999: 1867). Возможно, падение интереса к мехам у европейской феодализирующейся элиты носило кратковременный характер и было следствием увлечения их верхушки всем римским в рамках программы каролингского возрождения: как известно из античных текстов, римляне меха не ценили. Но на практике «римским» образцом для каролингской элиты служили не столько сочинения классических авторов, сколько современная им практика восточных римлян — византийцев.

⁶ Использованы переводы Е. Ч. Скржинской (Скржинская 1960) и А. Н. Анфертьева (Анфертьев 1991: 107—109), уточнённые мною по латинскому оригиналу, приведённому А. Н. Анфертьевым (там же). Вставки Иордана выделены мною на основе анализа стиля, в частности соблюдения правила кассиодоровских клаузул.

В Византии же, судя по всему, никакого перерыва между позднеантичной и средневековой торговлей не прослеживается: возникший к 532 году квартал скорняков (*ϥουνάριοι*) со своей церковью в районе форума Константина существовал там же и в XIV в., при том, что многие константинопольские скорняки были венецианскими евреями (Kazhdan 1991: 809). Со втор. пол. IX в. зафиксирован промысел пушнины на севере Норвегии и в Бьярмии (Noonan 1985: 328). Соответственно, более адекватным было бы считать, что в эпоху Каролингов произошло не прерывание традиции пушной торговли (как считает Р. Делорт), а её временное ослабление на западном направлении при более раннем (втор. пол. VIII в. — Noonan 1985: 331) или одновременном оживлении на восточном — багдадском направлении (что отмечено и Делортом). Впрочем, активность Мехавого пути через Среднюю Азию имела свои закономерности спадов и роста от формирования его в кон. IV до прекращения в кон. XIV в. Рост активности на этом пути и его ответвлении через Чёрное море относится ко времени Анастасия (вероятно, в связи с ритмами Шёлкового пути — Маршак 2006: 73; Шувалов и др. 2020: 256—257), а главное изменение датируется сер. VII в., когда прекращается византийский импорт, а оставшиеся торговые агенты распространяют торговлю и на Приобье (Маршак 2006: 80). При этом важно, что судя по монетным находкам и историческим событиям, вряд ли византийские связи с востоком осуществлялись через степи Прикаспия до византийского посольства 567 г., а в период с 567 по 591 г. северокаспийский путь был главным, если не единственным путём из Византии на восток. Тем не менее внутрирегиональная торговля в интересах византийцев в Северном Причерноморье и в Прикаспии с выходом к границы леса вполне могла процветать, тем более что личное присутствие ромейских купцов при этом не требовалось.

Не исключено, что новгородская система промысла и сбыта пушнины является прямой наследницей античной системы позднеантичной эпохи (Hennig 1930: 7—8): между этими двумя эпохами, как показывает материал источников, не прослеживается какого-либо ярко выраженного разрыва. Однако, между ними есть существенное различие. Классическая античная цивилизация не ценила красоту меха, воспринимая меховую одежду как признак варварства, а сам мех, пушнину не отличала от шкур и от кож. Тем не менее термоизоляционные качества меха,

в первую очередь бобрового, греками и римлянами ценились очень высоко (например, обёртыванием бобровым мехом или обувью из бобрового меха лечили ноги при подагре). Поэтому в Средиземноморье в античную эпоху импортировался преимущественно мех бобра. В то же время, судя по всему, красивый мех высоко ценился варварскими народами Центральной и Северной Европы: в первую очередь, германцами (Scheider 1937: 371) и, возможно, кельтами. Кроме того, меха носили кочевники (скифы, сарматы и др.), а также народы Большого Ирана. Соответственно, основные потоки добытой пушнины были направлены в древности в Центральную Европу и в восточноевропейские степи, а не в Средиземноморье, куда импортировали преимущественно бобра. При этом должны были функционировать два основных транспортных направления вывоза пушнины с Севера и Северо-Востока Европы (Hennig 1930: 6—8; Karte zwischen: 24—25): (1) южное — через степь к портам Причерноморья или к Прикаспию и далее на Ближний Восток (Маршак 2006) и (2) западное — в Среднюю и Западную Европу через порты Балтики и Северного моря в Галлию с выходом на Оловянный путь, или же по Эльбе либо по Янтарному пути через бассейн Вислы, Моравские ворота и Средний Дунай в Аквилею в области адриатических венетов (подробнее для эпохи Великого переселения народов см.: Казанский 2010: 21—27). И лишь с гибелью античной цивилизации новые пришлые военно-политические элиты принесли в Средиземноморье моду на меха — германцы в кон. IV в. на латиноязычный Запад (импорт через порты Балтики и по Янтарному пути на Равенну) и затем к нач. VI в. в Константинополь (импортировали через Херсонес из Прикамья, конкурируя с согдийцами: туда каждый второй византийский сосуд VI—VII вв. поступал минуя Иран и Среднюю Азию — Маршак 2006: 75). В IX в. мусульмане распространили иранскую моду на меха из Багдада на Ближний Восток, Магриб и Испанию.

Механизм развития

Понятно, что высококачественная пушнина, импортируемая издалёка, относилась к категории роскоши и потреблялась в Барбарикуме преимущественно варварской элитой. Поскольку политическая ситуация в варварском мире не отличалась большой стабильностью, то спрос на этот престижный товар должен был колебаться вместе с возникновением, рас-

цветом и упадком различных властных центров. Исходя из этого, можно предположить, что в античности на фоне относительно постоянного (зависевшего лишь от общего благосостояния) «медицинского» спроса в Средиземноморье на мех бобра, происходили периодические увеличения «престижного» спроса на пушнину в те периоды, когда возникал новый властный центр или же усиливал своё влияние тот или иной уже существующий центр в Барбарикуме. Если дополнительный запрос на пушнину мог быть покрыт уже освоенными ресурсами леса, то происходило лишь усиление добычи и торговли пушниной: если объёмы охоты не превышают определённого уровня, то популяция зверя легко восстанавливается за следующий год. Если же возросший запрос существенно превышал предел возможностей ресурсной базы, то, можно предполагать, охотники не успевали нарастить добычу до уровня, достаточного для удовлетворения запросов потребителя. И вскоре эти охотники, выбив на своих участках всю популяцию зверя, оказывались перед необходимостью срочно найти новые охотничьи угодья. Тогда они передвигались либо на угодья соседей (что приводило к войнам), либо на более глубинные территории, ещё не затронутые промышленной добычей пушнины (что приводило к миграциям промысловых отрядов или целых общин). При этом могли возникать конфликты с местным населением, заканчивавшиеся либо истреблением и/или оттеснением аборигенов, либо же втягиванием их в добычу пушнины на ролях младших компаньонов или плательщиков ясака. Очевидно, что пришельцы-промышленники должны были стремиться поставить под свой контроль основные коммуникации и устроить на новых землях своего рода либо торговые фактории, либо пункты базирования. При этом изначальный импульс, запускавший этот механизм, происходил от того или иного далёкого властного центра, у которого появилась возможность направить определённую часть средств на оформление саморепрезентации в среде политических элит. В результате изменения в распределении политических сфер влияния между властными центрами где-нибудь в Центральной Европе или евразийских степях приводили через цепочку посредников к грандиозным перестройкам систем отношений в глубине лесной зоны Восточной Европы.

Предлагаемая модель является лишь теоретическим построением, обоснованным на материалах колониальных войн в Северной Америке. Однако, поскольку археология

всегда зависит в своей интерпретационной части от моделей, построенных на материалах смежных областей (этнографии, истории, антропологии, знания современной повседневности и т.д.), само по себе предложение и сбалансированное использование такой модели не противоречит методологии: в дальнейшем мы проследим на конкретном археологическом материале, насколько непротиворечиво имеющиеся данные и построения археологов укладываются в рамки предложенной модели. Для этого попробуем рассмотреть основные свидетельства источников о возможной пушной торговле во временной динамике.

Возможные истоки пушного промысла

Возникновение древне-скифского царства в кон. VIII в. до н.э. и освоение им Северного Причерноморья со втор. пол. VII в. до н.э. (1—3 периоды по А.Ю. Алексееву), приведшее к началу давления степняков на поселения лесостепи в сер. VI в. до н.э. (4 период), могли создать условия, благоприятные для возникновения экспорта пушнины из лесной зоны в степь. Добыча и использование мехов в одежде зафиксированы у скифов Геродотом. При описании страны будинов с полуэллинизированным городом Гелон он сообщает, что «в самом густом лесу есть большое и широкое озеро и вокруг него болото и тростник. В этом озере ловят выдр, бобров и других животных с квадратной мордой; их шкурами оторачивают по краям меховые одежды» (Hdt. IV 109,2, — перевод из: Доватур и др. 1982: 143). Поскольку в этом пассаже ранее (Her. IV 109,1) Геродот полемизирует с одним из своих предшественников, возможно с Гекатеем (гипотеза Я. Харматты), то сведения эти следует датировать временем не позже кон. VI в. до н.э. — временем до начала греко-персидских войн: возможно временем похода Дария в Скифию в 513 г. до н.э., когда поток информации из глубинных областей Скифии мог резко возрасти. Позже Сенека Младший укажет, что скифы «сегодня» одеваются в лисьи и «мышьиные» меха, т.е. меха грызунов или каких-то куньих (*hodieque magna Scytharum pars tergis vulpium induitur ac murum, quae tactu mollia et impenetrabilia ventis sunt* — Sen. ep. 90,16), что, скорее, отражает уже устоявшиеся представления о скифах, чем реалии именно его времени. Видимо, новая степная кочевническая элита, значительно укрепив своё положение в VIII—VII вв. до н.э., получила возможность и ощутила потребность репрезентации себя в престижной сфере. Ресурсные возмож-

ности степных рек (плавни и старицы Днепра, Псла, Дона, Воронежа, Волги) относительно ограничены. Это могло привести к формированию регулярного промысла пушнины в лесной зоне: сначала на её окраине, а потом постепенно и в более глубинных местах с вывозом товара к политическим центрам на границе степи по речным путям (Днепру и Десне) к Трахтемировскому городищу или (из районов Курска, Тулы, Воронежа, Тамбова) по сухопутным путям системы будущего Муравского шляха с выходом по Бакаеву шляху к Бельскому городищу, отождествляемому с геродотовым городом Гелон.

На западе гальштаттская аристократическая элита (На-С и На-D), жившая в Хойнебурге и других укрепленных поселениях Верхнего Подунавья, Богемии и Бургундии и оставившая княжеские погребения в Хомихеле, Хохдорфе, Виксе и многие другие, так же как и сменившая её раннелатенская военизированная элита среднего Рейна (LT-A), могли испытывать аналогичную потребность в престижных мехах. Но, во-первых, скорее всего, они могли пока ещё удовлетворять эти потребности за счёт местных ресурсов (больших, чем ресурсы степных рек), во-вторых, у нас нет археологических данных об их связях на востоке, письменные же источники для этого времени отсутствуют.

Возможно, то же самое относится и к кельтской элите эпохи великих завоеваний (LT-B). В начале этой эпохи кельты в результате удачного перехода через Альпы около 396 г. до н. э. оккупировали все территории от Альп до Тосканы, разграбили многие города южнее, в том числе и сам Рим (традиционная дата: 387 г. до н. э.). Затем они могли использовать ресурсы этих покорённых территорий, но именно увеличение ресурсной базы, а также размаха политических амбиций (от Рима до Карпат: в 335 г. до н. э. послы кельтов ведут переговоры с Александром) и могли привести к росту потребности в престижных вещах, к которым принадлежала и пушнина. Правда, письменные источники о кельтах сообщают лишь, что они обедают, располагаясь на земле, подстелив волчьи или собачьи шкуры (*δειπνοῖσι δὲ καθήμενοι πάντες οὐκ ἐπὶ θρόνων, ἀλλ' ἐπὶ τῆς γῆς,��ποστρώμασι χράμενοι λύκων ἢ κυνῶν δέρμασι* — Diod. V 28,4), и что внутренние жители Британии одеты в шкуры (*pellibusque sunt vestiti* — Caes. Gall. V 14,2). Плиний Старший пишет, упоминая некоего зажиточного римского гражданина Помпея Паулина, уроженца Арелата (в Нарбоннской Галлии), что он следует обычаю тамошних жителей одеваться в шкуры (*Pompeium Paulinum,*

Arelatensis equitis Romani filium paternaque gente pellitum <... > scimus — Plin. nat. XXXIII 143). Помимо прямых указаний на использование кельтами шкур, в латинском языке засвидетельствовано (Варрон, Цезарь, Саллюстий, Исидор) галльское или германское слово *reno* (основа *renon-*), обозначающее особый род одежды из плотного меха (возможно, изначально северного оленя) типа очень короткого полущубка или мехового упелянда для защиты от дождя (Hug 1914). Так что, строго говоря, у нас нет прямых письменных свидетельств, что древние кельты ценили дорогую пушнину. Но учитывая общую скудость письменных свидетельств о кельтах и наличие косвенных свидетельств, вряд ли этот факт можно использовать как *argumentum ex silentio*.

Становление политического центра бойев в до этого относительно периферийной для гальштаттского мира Богемии должно было создать новый центр политического напряжения. Он просуществовал примерно с IV в. до 60 г. до н. э., когда бои были разгромлены Бурбистой (LT-B_{2a}-D₁). Бои были одним из немногих кельтских общин, которые отбились от кимвров около 120 г., заставив их искать обходные пути, что очевидно поддержало их высокий статус в кельтском мире. Можно предположить, что они были одной из главных политических сил Кельтики наряду с располагавшимися в центре гелльветами, галльскими арвернами и охранявшими границы кельтского мира вольками, однако у нас практически нет письменных источников по этой теме. Тем не менее, очевидно, что влияние бойев в период расцвета распространялось далеко за пределы Богемии от Альп до Силезии и украинского Закарпатья. Не исключено, что становление межрегиональной торговли пушнинами на «западном» направлении следует связывать с проникновением в Восточную Европу влияний из зоны кельтской цивилизации и её периферии (т. е. из зоны латенской и латенизированных культур) в период расцвета и последующего угасания Кельтики в IV — сер. I в. до н. э. (то есть в периоды LT-B₁-D₁ по хронологической шкале латенской культуры).

С нач. (сер. — Ерёменко 1989: 86, 87) IV в. до н. э. через территорию, контролировавшуюся скифским центром в Подолии (побужская группа лесостепи), начинается транзит латенских импортов из Закарпатья, в первую очередь браслетов, которые вскоре начинают производиться самими милоградцами на территории Поднепровья. В последующее время зона распространения подобных браслетов и вещей в ажурном стиле, «сформированном» в противовес скифскому звериному, охватит

значительную часть лесной зоны (Ерёменко 1989: 91; Рассадин 2005: 20). Эта волна латенских, а также и скифских импортов в лесную зону через посредство милоградцев и юхновцев связана с тем, что верхний социальный слой и Кельтики, и Скифии за V век не только накопил достаточные материальные ресурсы для реализации своих амбиций в сфере публичной презентации своего высокого положения, но, и, возможно, исчерпал локальные возможности удовлетворения этих амбиций. В результате и могла возникнуть необходимость импорта дорогих мехов, что, видимо, и привело к волне импортов. Однако, судя по данным массовых находок «вещей кельтского типа» (см. карту М.Б. Шукина — Бидзиля, Шукин 1993: 68—69 карта 15), влияние латенской (так же как и скифской) культуры не распространялось севернее Припяти, то есть на основную территорию современных Литвы и Беларуси (рис. 1). Это северная граница латенских импортов соответствует северной границе (начиная с посл. трети III в. до н.э. — дату определяют находки импортных клейменных амфор Коса, Пароса и Родоса — Русанова, Максимов 1993: 34, 220—221, табл. I, II, X 229; Шукин 1994: 110) зарубинецкой культуры, принадлежавшей к кругу латенизированных культур и, соответственно, располагавшей вещами латенских типов. Но проникновение латенских влияний началось раньше возникновения зарубинецкой культуры, которая, возможно, распространялась вдоль уже известных коммуникационных линий.

Латенские импорты первой волны и культура ранней штрихованной керамики

Показательно распространение латенских импортов в лесной зоне. Для периода раннего латена (т.е. LT-B \approx нач. IV — сер. III в.) находок латенского импорта — т.е. находок латенских браслетов, гривен, фибул, цепей и предметов вооружения, — не зафиксировано для следующей территории: на север за Припять, в Понеманье, и на восток на землях по устью Березины, на северо-восток до Смоленска, включая могилёвское Поднепровье и на север по истоки Березины (рис. 2). Эта территория соответствует примерно территории, которую занимала культура (ранней) штрихованной керамики (Дробушевский 2002: 59; Егорейченко 2006: 14, рис. 1; 58, рис. 14). При этом на соседней территории к востоку зафиксированы не только прямые импорты, но и производство их реплик и сами подражания, например браслеты, подражающие

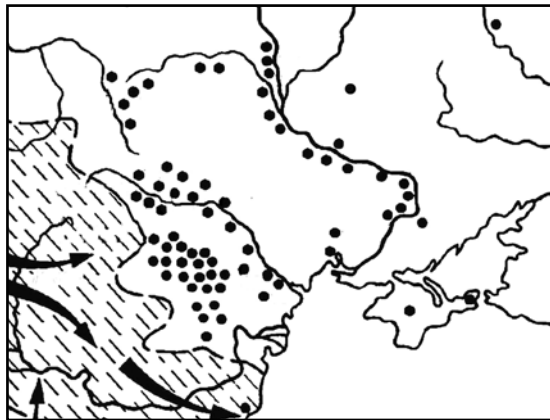


Рис. 1. Находки вещей кельтского типа на землях к востоку от Карпат по М.Б. Шукину (Бидзиля, Шукин 1993: 68, карта 15). Северная граница находок не заходит за линию «левый берег Припяти–Гомель–Воронеж». Стрелками показано движение кельтов.

Fig. 1. Finds of Celtic type in the lands east of the Carpathians after M.B. Shchukin (Бидзиля, Шукин 1993: 68, карта 15). The northern border of the finds does not go beyond the line “left bank of Pripyat-Gomel-Voronezh”.

«гусеничным» латенским, найдены глубоко в лесной зоне вокруг Смоленска (Шмидт 1992: 108 табл. 9). Исследователи (Дробушевский 2002: 59) приходят к выводу, что население культуры (ранней) штрихованной керамики, продолжавшее ещё жить фактически в неолите с отдельными случайно завезёнными металлическими вещами (Медведев 2011: 58—59), в рассматриваемый период имело враждебные отношения как с юго-западными, так и с юго-восточными соседями: в отличие от связей с соседним балтским по языку населением на западе и в Верхнем Поднепровье, она как бы сторонилась контактов с милоградской культурой и со Скифией (Егорейченко 2006: 53). Наоборот с западными балтскими культурами штриховиков связывали достаточно тесные связи, построенные на обмене мехов на изделия из металла (Егорейченко 2006: 52). Сходная картина изоляции сохранилась и в последующее время (LT-C и D₁), когда территория культуры штрихованной керамики будет граничить с латенизированными культурами — с юга и востока с зарубинецкой, а с юго-запада с пшеворской. И лишь не раньше середины I в. до н.э. (с периода LT-D₂ \approx примерно 60—15 гг. до н.э. для Средней Европы, но для лесной зоны дата бытования вещей, характерных для периода LT-D₂, должна быть продлена, по мнению М.Б. Шукина, до втор. пол. I в. н.э.) на этой ещё не затронутой среднеевропейскими влияниями территории в культуре штрихованной керамики по-



Рис. 2. Распространение браслетов и фибул раннелатенского периода в Восточной Европе (по Дробушевский 2002: рис. 6, с исправлением опечатки). а — браслеты; б — фибулы; с — поселение Галиш-Ловачка; d — южная граница лесной зоны; e — южная граница лесостепи. — В лесной зоне и к западу от Южного Буга область находок фибул и область находок браслетов практически не пересекаются, в то время как в Среднем Поднепровье встречаются и те, и другие.

Fig. 2. Distribution of bracelets and brooches of the Early La Tène period in Eastern Europe (according to Дробушевский 2002: рис. 6, with a misprint corrected). а — bracelets; б — brooches; с — Galish-Lovachka settlement; d — southern border of the forest zone; e — southern border of the forest-steppe. — In the forest zone and to the west of the Southern Bug, there the area of finds of brooches and the area of finds of bracelets practically do not intersect, while both are found in the Middle Dnieper.

являются латенские импорты (Егорейченко 2006: 105). Впрочем латенских вещей времени раннего латена (LT-B₂ ≈ кон. IV — сер. III в. до н.э.) нет не только в культуре штрихованной керамики, но и у её западной соседки — поморской культуры (Щукин 1994: 88 пр.).

Продвижение отдельных раннелатенских вещей в Восточную Европу может быть объяснено различными военно-миграционистскими гипотезами: гипотетическими кельтско-скифскими контактами времени борьбы Атея с Филиппом II Македонским в 358—339 гг.

(идея В. Е. Ерёмченко, см.: Шукин 1994: 81, 82, 99; Бидзиля, Шукин 1993: 83) или событиями около 280 г., когда кельты обосновались в Закарпатье (LT-B2b \approx сер. III в. — Шукин 1994: 83 пр.; Бидзиля, Шукин 1993: 80 пр, 82 пр) и во Фракии, или же последующими событиями, отражёнными в знаменитом декрете Протогена [Шукин 1994: 99; дата по Ю. Г. Виноградову — «незадолго до 213 г.»] (Виноградов 1989: 182), но ср. гипотезу Шукина о ранней, «добастарнской» дате декрета (Шукин 1994: 101) в развитие идеи К. К. Марченко], в котором упоминаются угрожавшие до этого Ольвии галаты, то есть кельты, и скиры. Скиры жили в это время, судя по данным письменных источников, скорее всего, где-то на территории к северу от Карпат, то есть возможно в ареале поморской культуры или рядом с ней. Примерно в то же время (на рубеже LT-B₁ и LT-B_{2a} \approx 30—20-е гг. IV до н. э. — Шукин 1994: 89) происходит и продвижение носителей поморской культуры на восток на территорию западных областей Волыни и Полесья, но эта культура находилась в последующие десятилетия в полной изоляции от кельтского мира (см. выше про отсутствие вещей LT-B₂ в ней и у штриховиков). Однако, все эти гипотезы никак не объясняют, почему же латенские вещи стали проникать далеко вглубь лесной зоны — в Верхнее Поднепровье и Поочье.

В целом можно подытожить, что, скорее всего, с кон. IV по сер. III в. до н. э. (LT-B₂) контакты лесной зоны Восточной Европы с Кельтикой осуществлялись через Закарпатье, Восток Галиции и Подолию (Мельниковская 1967: 153) — в обход территории Повисленья, Западного Побужья и центральной Белоруссии. Отчасти линию этих связей маркируют кельтские металлургические (в т. ч. по цветным металлам) центры Галиш-Ловачка и Ново-Клиново в Закарпатье, поселения Бовшев с латенской гончарной керамикой на верхнем Днестре и кельтское погребение в Залесье в низовьях Припяти (Бидзиля, Шукин 1993: 68—69, карта 15; 70, 71; Шукин 1994: 136, карта 50): возможно именно по этой линии из Кельтики в Верхнее Поднепровье и Поочье через Среднее Поднепровье и поступали браслеты в обмен на импорт оттуда продуктов лесного промысла.

Браслеты и меховая торговля

Интересные результаты дали наблюдения за картографией находок латенских браслетов. Установлено (рис. 3), что металлические латенские браслеты и латенские фибулы в неко-

торых регионах совстречаются между собой, а в некоторых нет. Действительно, на р. Березина, в Поднепровье выше Смоленска и далее на восток и юго-восток в Поочье встречаются только браслеты, а в припятском Полесье — только фибулы (Нефедова 1992: 30, карта 1; Дробушевский 2002: 62, карта 6, с путаницей в значках). Что касается фибул, то до сих пор нет какого-то специального объяснения такой картине: скорее всего, их распространение отражает обычное влияние располагавшихся южнее и юго-западнее латенизированных культур и, соответственно, господствовавшей там латенской моды на население пограничья степной и лесной зон. В силу этого северная граница распространения латенских фибул IV—I вв. до н. э. проходит южнее и западнее границы лесной зоны, заходя в Полесье лишь в черниговско-гомельском Поднепровье (в IV—III вв. до н. э.) и на среднем течении Припяти (во II—I вв. до н. э.) (Нефедова 1992: 30, карта 1). Что же касается латенских браслетов, то установлено, что их находки в глубине лесной зоны (это браслеты, орнаментированные рубчиками или розетками из шишечек, то есть типы 1, 3 и 8 по Нефедовой — Нефедова 1992: 22—25, 29; Мельниковская 1967: 75—81) следует датировать, вероятно, периодом с кон. V до н. э., но в основном, по В. Е. Ерёмченко (Ерёмченко 1989: 87—88), с сер. IV по нач. III в. до н. э. (\approx LT-B₁—B_{2a}) (Нефедова 1992: 28—31, 32—33: прим. 2 под авторством М. Б. Шукина; Лошенко 2011: 207).

Это время характеризуется более или менее стабильной исторической ситуацией в Скифии: поражение царя Атея от македонского царя Филиппа II произошло лишь в 339 г. до н. э. и не привело к распаду Великой Скифии (Мелюкова 1989: 35, пр.), а гибель Великой Скифии под ударами сираков/сарматов и мэотов случилась лишь в конце этого периода, и скорее уже в III в. до н. э. (не ранее 329 г. и вряд ли позже 260 г., но скорее около 280 г. — Виноградов и др. 1997: 101, Тохташев 2005: 300, Симоненко 2018: 35, Алексеев 2003: 250—251). Да и к тому же вряд ли последствия войн с Македонией в степи затронули внутренние территории северо-запада Скифии, находившиеся в это время под (возможно слабым, но скорее всего постепенно усиливавшимся) контролем местной элиты (об увеличении числа «царских» погребений в третью четверть IV в. до н. э. — см.: Алексеев 2003: 239) из т. н. побужской группы лесостепной скифообразной культуры, расцветающей как раз в IV в. до н. э. (при том, что соседняя более западная западноподольская группа прекращает своё существование в начале V в.,



Рис. 3. Распространение браслетов и одновременных им фибул по (Нефёдова 1992: карта 1, с выделением зон распространения фибул по периодам): а — браслеты; б — граница LT-AB; с — фибулы VI—V вв. до н.э.; d — фибулы IV—III до вв. н.э.; e — фибулы II—I вв. до н.э.; f — фибулы I в. н.э. В раннем латене фибулы в лесную зону практически не попадают, исключая Поднепровье до устья Сожа. В среднем и позднем латене фибулы проникают в лесную зону только в районе Припяти. В начале же раннеримского времени зона распространения фибул сдвигается в глубь леса, не заходя однако в верховья Днепра, Березины, Сожа и Десны.

Fig. 3. Distribution of bracelets and brooches synchronous with them (after Нефёдова 1992: карта 1, with the allocation of zones of brooches distribution by periods). — In the Early La Tène, the brooches practically do not fall into the forest zone, excluding the Dnieper region up to the mouth of the Sozh. In the Middle and Late La Tène, brooches penetrate the forest zone only in the Pripjat region. At the beginning of the early Roman time, the distribution zone of fibulae is shifted into the depths of the forest, without, however, entering the upper reaches of the Dnieper, Berezhina, Sozh and Desna.

создавая эффект своего рода политического вакуума в этой зоне (Петренко 1989: 67, карта 8; 71 пр. — 74 лев. — ср. перепутанные названия групп в табл. 21 на с. 326 и в описании на с. 297), а зона гетских поселений в Молдавии и их контактов практически не выходи-

ла на северо-восток от Днестра) (Мелюкова 1989а: 85, карта 10; 86 пр.). Там же, в верховьях Южного Буга во втор. четв. IV в. до н.э. воздвигается Ильинецкий курган с захоронением представителя местной элиты, в инвентарь которого входил горит с золотой обив-

о нашествии змей на земли невров и их эвакуации к будинам (Hdt. IV 105), жившим восточнее, где-то не доходя до верховьев Танаиса (Hdt. IV 123) в лесах, в которых добывают мех выдр, бобров и бобровую струю (Hdt. IV 109,2). Вряд ли за этим преданием стоит какое-то реальное переселение, но вполне вероятно оно указывает на определённые связи между неврами и будинами, по крайней мере в мифологическом пространстве, за которым может стоять и реальное общение жителей Среднего Поднепровья с жителями лесных массивов, расположенных дальше по направлению к верховьям Северского Донца и Дона. Исследователи отмечают, что влияние милоградской культуры из «лесостепного Правобережья распространилось довольно далеко на север и северо-восток, достигнув самых глубин лесной зоны» (имеется в виду распространение вещей особого ажурного стиля, выработанного милоградскими мастерами в Среднем Поднепровье: Рассадин 2005: 20, лев.). Возможным путём проникновения из Прикарпатья могла быть какая-то коммуникационная трасса вдоль линии «карпатские перевалы — киевское Поднепровье — Днепр/Сож/Десна — Ока» при посредстве носителей милоградской культуры: например, по линии древнего Кучманского шляха до верховьев Южного Буга и оттуда по водоразделу Ирпени и Роси к Киеву, а оттуда водным путём. К тому же нельзя не учитывать и того, что из Кельтики точно происходил только начальный импульс, а затем эти связи могли разорваться, и источники поступлений браслетов стали местными восточноевропейскими. При этом весьма вероятно, что столь избирательное проникновение браслетов в глубинные территории лесной зоны (верховья Днепра и бассейн Оки), а также их копирование местными литейщиками связаны с их особой функцией в местной среде: скорее всего, они выступали как вид импорта туда цветного металла (бронзы и серебра) в обмен на или даже в оплату (в форме примитивных денег) за какие-то продукты лесного хозяйства — пушнину (Шмидт 1992: 75; Егорейченко 2006: 46. Кренке 2011: 159 — ср. 141, 143, 145, 156 — отмечает рост промысла бобра начиная с I—II вв. н. э.), бобровую струю, мёд,

Находки костей пушных зверей

Об особой роли, которую играла охота на пушного зверя, в частности бобра, у жителей лесной зоны, свидетельствуют археологические исследования: на части раско-

панных селищ доля костей бобра составляет более 1/5 части (а на некоторых более 40%! — Материалы с Максимковского селища на Клязьме: Кренке 2011: 156) всех находок костей, включая домашних животных, доля куницы — 1/6, а доля всех пушных — почти 1/4 (при том, что охотник часто приносит с собой только шкуру животного) (Шадыра 2006: 33, табл. А, 36, табл. Е; Шадыра 1985: 93, табл. 8, 96, табл. 9, 95 (для днепродвинской культуры в Подвинье); Егорейченко 2006: 46—48, 47, табл. 4, 101, 102, табл. Х (для культуры штрихованной керамики); Шмидт 1992: 63, табл. Б, 71, табл. Г, 72—74 (для днепродвинской культуры верхнего Днепра, в т. ч. куница); Кренке 2011: 159, диагр. 1; Лошенко 2011: 309—310 (в том числе соболь)). Кроме того, археологами зафиксированы многочисленные находки особых наконечников стрел, предназначенных специально для охоты на пушного зверя (при том, что значительная часть добывалась ловушками, от которых ничего не сохраняется), а также особые ножи — т. н. «бритвы» (преимущественно римского времени), которые могли использоваться и для обработки шкур (Шадыра 1985: 96; Шмидт 1992: 75—76; Егорейченко 2006: 84—85, 187, табл. 56: 1—5).

Впрочем, часть специалистов скептически относятся к такой прямолинейной интерпретации находок костей и, опираясь на статистически репрезентативный материал, обработанный методами, подвергают сомнению сам факт существования массового пушного промысла в то время (см. например: Вязов, Асылгараева, Гисматулин 2021: 128—138). Не имея возможности в деталях проанализировать сейчас аргументацию этой точки зрения, отмечу лишь, что в данной публикации я предлагаю не более чем черновую модель развития пушного промысла в VI в. до н. э.— VI в. н. э., а применимость её к материалу ещё требует проверки, да и ей самой потребуются корректировка, даже если адекватность её будет признана коллегами.

Гривна и браслеты

В. С. Кулешов выдвинул гипотезу, что, возможно, к явлению проникновения латенских браслетов восходит обще-праславянское обозначение денег **grivъna*, не имеющее соответствия в балтийских языках, но по лингвистическим показателям являющееся достаточно древним («раннего железного века», по В. С. Кулешову), предшествующим эпо-

хе балто-славянского лингвистического союза (Кулешов 2012: 165—168, 171). Если гипотеза В.С. Кулешова о происхождении слова «гривна» верна, то возникает возможность привязать область распространения раннего праславянского языка/диалекта к зоне импорта латенских браслетов в IV в. до н.э. в лесную зону Восточной Европы (Дробушевский 2002: 62 карта, — см. рис 2 выше). Однако, очевидно, что эта привязка не обязательно должна быть прямой (которую, судя по всему, предпочитает В.С. Кулешов — Кулешов 2012: 166—167): праславяне не обязательно должны были непосредственно занимать или присутствовать именно на этой территории, очерченной с запада условной линией Гомель—Смоленск. Действительно, праславяне могли заимствовать в свой язык и в свою картину мира образ кольца-браслета как формы примитивных денег или товаро-денег (Потин 1993: 108—111) из языка и картины мира соседей, с которыми у них были интенсивные связи на каком-то последующем этапе. Появление термина «гривна», по Кулешову, должно было произойти до вторичного схождения праславянского и прабалтского (т.к. отсутствуют соответствующие балтские параллели). Следовательно, если принимать гипотезу В.С. Кулешова, то при реконструкции прайстории славян следует учитывать, что территория праславян в какой-то момент в промежутке между V в. до н.э. и началом активных контактов между прабалтами и праславянами (т.е., возможно, началом распространения глазчатых фибул), должна была смыкаться с или хотя бы частично перекрывать территорию, очерченную с запада линией Гомель—Смоленск. — Впрочем, нельзя не высказать некоторые сомнения по поводу гипотезы Кулешова. Во-первых, различные одновитковые браслеты с разнообразными насечками были распространены и производились ещё с бронзового века на достаточно широкой территории, в том числе и в лесной зоне, например в той же культуре штрихованной керамики (находки на Большом Наркунайском городище — Егорейченко 2006: 40—41). Во-вторых, кроме импортных латенских браслетов были распространены и браслеты других типов, в том числе местных, например в той же милоградской культуре, с территории которой они, судя по всему, проникали на территорию не только днепровской культуры, но и культуры штрихованной керамики (Лошенко 2011: 206). Учитывая крайнюю заинтересованность населения лесной зоны в импорте меди и бронзы, можно предполо-

жить, что функцию примитивных денег такого рода «гривны» могли получить у населения лесной зоны задолго до начала волны латенского импорта. С другой стороны, очевидно, что столь активное воздействие экономически более развитой латенской культуры не могло не спровоцировать усиления обмена и трансрегиональной торговли, в частности мехами, которая и ранее существовала в этом регионе, как минимум с кон. VI в. (сведения Геродота о добыче пушнины будинами).

Спад третьего века

В перв. трети III в. прекращается импорт латенских и скифских вещей, видимо, из-за (Ерёменко 1989: 88) ослабления власти скифов и падения благосостояния скифской верхушки по причине катастрофического для скифов вторжения (или вторжений) «сарматов» — скорее всего, сираков и мэотов, — около 280 г. (см. выше). Кельты же в скором времени теряют былой пыл и после серии поражений (закончившейся разгромом при Теламоне в 225 г.) к кон. III в. до н.э. переходят от военной экспансии к среднеевропейской консолидации. Спрос на дорогие меха, возможно, и упал, но главное — проверенный канал их доставки через Галицию и Подолию после сарматского погрома лишился «крышевания» местной элитой: Скифия превратилась в своего рода Дикое поле, где хозяйничали военные отряды сираков, мэотов, скиров, галатов, бастарнов и роксолан, а какая-то более или менее стабильная власть сохранялась лишь по периферии: внутри стен греческих городов (при том, что поселения их хоры либо погибли, либо сильно сократились), на нижнеднепровских городищах и в Таврике (позднескифское царство), на Днестре (тираспольская группа скифов). Примерные границы зоны, осваиваемой новыми хозяевами степей, можно увидеть на карте распространения т.н. ритуальных депозитов или кладов III—I вв. до н.э. (рис. 5) (Симоненко 2018: 42, рис. 7: 1; 2021: 43, рис. 12): видно, что на территорию лесостепи они не попадают. К этому же примерно времени относится и продвижение с запада на земли милоградцев в западном Полесье и на Волыни носителей поморской культуры из Повисленья. Для последующего времени (уже с начала III в.) датированные комплексы милоградской культуры практически не известны, что может свидетельствовать как о прекращении самой культуры (Ерёменко 1989: 89—90; Дробушевский 2016: 79—80),



Рис. 5. Ритуальные депозиты III—I вв. до н.э. по (Симоненко 2018: рис. 7). I — «клады» в Восточной Европе; II — ареал скифских памятников III—II вв. до н.э. Ареал распространения этих депозитов или «кладов» не выходит за пределы собственно степной зоны, что означает, что возможно после гибели Великой Скифии «сарматы» (меоты, сираки, роксоланы, аланы, и другие) на протяжении почти трёх веков мало интересовались лесостепной и лесной зонами.

Fig. 5. Ritual deposits of 3rd—1st centuries BC (after Симоненко 2018: рис. 7). I — “hoards” in Eastern Europe; II — area of Scythian sites of 3rd—2nd centuries BC. The distribution area of these deposits or “treasures” does not go beyond the real steppe zone, which means that after the end of Great Scythia, the “Sarmatians” (Meots, Syraks, Roxolans, Alans, and others) for almost three centuries had little interest in the forest-steppe and forest zones.

так и о полной изоляции от внешнего мира её сохранявшихся осколков (Рассадин 2005: 38; см. критику: Дробушевский 2016: 70—80). Всё это не могло не привести к распаду прежней системы межрегиональных связей. В этих условиях пушная торговля с Подунавьем вряд ли могла существовать.

Проникновение и роль бастарнов (LT-C_{1a}–C₂)

Возникшая в результате гибели Великой Скифии пустота притягивала к себе. Около 230 г. до н.э. в Юго-Восточной Европе появляется новый многочисленный народ бастарны, продвинувшийся с северо-запада: по данным археологии они, возможно, происходили из Ютландии, Борнхольма и Нижней Германии, откуда распространились т.н. гривны-

короны (Шукин 1994: 115; Воротинская 2011: 199—207) (см.: рис. 6), очажные подставки особой формы и поясные застёжки в форме крючков в Нижнем Подесенье и Полесье, а также специфические формы керамики на территории от Полесья до Карпат (Шукин 1994: 102, 115, 130—131, рис. 42, 44). Это движение происходило на последней волне кельтской экспансии, скорее всего, накануне эпохального поражения кельтов в битве при Теламоне в Этрурии в 225 г. до н.э., но уже скорее всего после плохо датированного (между 241 и 227 гг.) поражения малоазиатских галатов в битве при Каике, нанесённого им Атталом I Пергамским.

Вскоре после этих событий в истории кельтов наступает (с начала II в. до н.э.) перелом: период военной экспансии сменяется, по периодизации Яна Филипа, периодом «средне-



Рис. 6. Распространение гивен-корон по (Шукин 1994: рис. 46). Гивны-короны, распространяясь из Повисленья в Галицию и Подолию, проникают в лесную зону исключительно на Десне.

Fig. 6. Distribution of crown-torcs (after Шукин 1994: рис. 46). Crown-torcs, spreading from Vistula region to Galizia and Podolia, penetrate into the forest zone exclusively on the Desna-river.

европейской консолидации» (LT-C₂ ≈ втор. — третья четв. II в., с учётом современной хронологии). Новый период характеризуется бурным развитием экономики и урбанизацией, а также усилением торговли, в том числе и с землями на северо-восток от Кельтики, то есть на границе с Восточной Европой, в частности — торговлей балтийским янтарём через носителей складывавшейся к концу этого периода (на этапе LT-C_{1b} ≈ рубеж III—II вв. до н.э.) пшеворской культуры, бывшей соседкой бастарнов (Шукин 1994: 106, пр., 107, лев.). Соответственно, процесс начинавшегося изменения кельтского мира в сторону большего развития торгово-экономической сферы в ущерб военно-героической мог затронуть и бастарнов, оказавшихся на крайней восточной окраине кельтской цивилизации.

После трёх масштабных грабительских походов на Балканы (179, 175 и 168 гг.) (Шукин 1994: 116—117) бастарны переходят к хозяйственному освоению территорий к востоку от Карпат, что приводит к возникновению пояншты-лукашёвской культуры в Молдове и зарубинецкой в Среднем и Верхнем Поднепровье с правобережьем Припятского Полесья. Наиболее ранние зарубинецкие поселения датированы находками греческих амфор (Кос, Парос, Родос) с клеймами производителей 30-х–20-х гг. III в. и фибулами фазы LT-C_{1b} ≈ кон. III — перв. четв. II в. до н.э. (Русанова, Максимов 1993: 21, карта 8, 34, 229, табл. X; 93, 249, табл. XXX). Были ли выходцы из зоны ясторфской культуры основными создателями зарубинецкой культуры (В.Е. Ерёменко и отчасти С.П. Пачкова), или

лишь соучастниками этого процесса (К. В. Каспарова, Е. В. Максимов), или практически не оказали воздействия на её генезис (Дробушевский 2017), — не столь важно для рассматриваемого вопроса о западном импульсе: в любом случае очевидно, что основной культурный импульс шёл из зоны латенизированной периферии Кельтики. Источником таких латенизированных воздействий могла быть не обязательно только северная «германская» (ясторфская или поморско-подклёшевая) латенизированная окраина кельтского мира, но и непосредственно восточная часть Кельтики — территория украинского Закарпатья и восточной Трансильвании, а также латенизированные гето-дакийские территории Нижнего Подунавья (Дробушевский 2017: 20, 21). При этом роль первичных переносчиков «вируса латенизации» из Подунавья, скорее всего, должны были сыграть те же бастарны, возвращавшиеся из своих набегов на Балканы в 179, 175 и 168 гг. и распространившие, по гипотезе Каспаровой, в складывавшейся зарубинецкой культуре новую моду на особый тип фибул, заимствованных ими в Иллирии.

Для лесной зоны огромное значение имеет проникновение латенизированного зарубинецкого населения (т.е. условно говоря германо-кельтских бастарнов или близкого им населения) уже на ранней фазе этой культуры (II — сер. I в. до н.э.) глубоко в лес Восточной Европы — в днепровское и туровское Полесье, что не могло не повлиять на жизнь аборигенного населения как этой, так и более удалённых областей. Так, в частности, установлено сильное влияние уже в это время (II—I вв.) на аборигенные культуры — на днепровскую и юховскую (процесс «зарубинизации») в результате проникновения на их территорию зарубинецкого населения. Это приводит к возникновению там нового вида культурных групп («среднетушемлинской» в верхнем Посожье и «типа верхнего слоя Полужья» на Брянщине) и одновременно к прекращению функционирования большей части укрепленных поселений аборигенного населения (Дробушевский 2011: 80—81). Зарубинцы внедряются далеко в лес, но что их туда манит, остаётся до конца не ясным. Давление зарубинцев с юга на южную окраину лесной зоны приводит к тому, что нарушается многовековое отчуждение культуры штриховой керамики от соседей юга, то есть от милоградской культуры. Начинаются прямые контакты продвигающейся на север милоградской культуры с культурой поздней штрихованной керамики, что А. А. Егорейченко объяснял дав-

лением зарубинцев на милоградцев (Егорейченко 2006: 53).

Определённую специфику зарубинецкому влиянию на лесную зону могло придать предполагаемое (Ерёменко, Щукин 1992: 108, 112; Щукин 1994: 150—151) участие какой-то части зарубинецкого населения в движении кимвров и тевтонов в 120—113 гг. и до 100 г. Основанием для этого служит не только, впрочем весьма скудные, данные археологии, но и отождествление некоторыми древними авторами (Plut. Mar. 11; Strab. VII 2,2 p. 293 ed. Casaub., Helbling 1898: 20, 21) вслед за их источником Посидонием Апамейским (в его утерянном историческом сочинении, написанном между 70 и 65 гг. — Gigon 1965: 2420; примерно до 60 г. по Reinhardt 1953: 631) кимвров не только с киммерийцами, но и с «кельтоскифами» — конечно не реальным народом, а греческим обозначением какой-то группы населения на стыке Кельтики и Скифии. Впрочем, вероятность активного участия зарубинцев в движении кимвров не велика. Как и того, что отряды кимвров могли на своём пути от места столкновения с боями (в Чешской Силезии?) до соприкосновения со скордисками пройти мимо мест расселения бастарнов, для чего им понадобилось бы огибать Карпаты с востока по какой-то не известной нам причине, — из-за страха перед боями? Впрочем в Закарпатье латенские поселения существуют до времени походов Буребисты около 60 г. до н.э., а не гибнут на рубеже LT-C₂/D₁ ≈ кон. II в. (Бидзиля, Щукин 1993: 79, рис. 3, 81 пр., 82—83), что было бы вряд ли возможным, если бы кимвры с тевтонами прошли через их территорию, учитывая враждебность бойев, которым эта территория, скорее всего, и была подчинена. Далее на запад от Богемии по северной границе латенского мира примерно по линии Гарц–Таунус–Арденны тянется цепочка из кельтских оппидов среднего размера (в пределах 25—115 га), бывшая, возможно своеобразным лимесом на севере Кельтики, сформировавшемся ещё в гальштаттское время (Fichtl, Pierrevelcin 2008). Получается, что кимвры, возможно, действительно вынуждены были, огибая цепочку оппидов, и из-за страха перед боями двигаться всё дальше на восток и переходить Карпаты в Буковине (вдоль р. Быстрица мимо Кымпылунга) или даже в Молдове (пер. Ойтуз, где позже будет проходить римская дорога через *Angustia*), повторяя движение бастарнов, прошедших там пол века ранее. В пользу такого маршрута кимвров говорит и то, что

после неудачи с боями в своём движении на запад кимвры вышли сначала к землям скордисков (Strab. VII 2,1 p. 293 ed. Casaub.), которые, казалось бы лежали далёко на юге. В результате скордиски в 119/118 гг. вместе с медами и бессами начали вторжения в Македонию (Bredow 2002: 481; Fluß 1921: 833—834), что указывает на вовлечённость скордисков в план действий кимвров и на раздел с ними сфер влияния. Итак, кимвры, скорее всего, в своём движении не могли пройти мимо земель бастарнов, что должно было вовлечь бастарнов, как и многие другие народы, в это общее движение варваров, тем более что действия скордисков были направлены в знакомую бастарнам зону. Тогда мы можем предполагать, что интересы бастарнов на Балканах вряд ли должны были сильно пострадать в результате кимврского нашествия. Тем не менее, археологические факты скорее свидетельствуют об обратном: начиная с этого времени зарубинецкая культура входит в почти вековой период изоляции от Центральной Европы (в ней отсутствуют вещи фазы LT-D₁), закончившейся только с началом следующей фазы (LT-D₂ и Rz-A₁) импортами из региона Верхнего Подунавья через Словакию и Верхнее Поднепровье (Шукин 1994: 195—196). Эти «загадочные» импорты М. Б. Шукин думал объяснить попытками торговцев янтарём найти на востоке новые ресурсные возможности (залежи, обходной путь в Прибалтику). Однако, на мой взгляд, их загадочность уменьшается, если по аналогии с латенскими рубчатыми браслетами воспринимать эти находки как свидетельства возобновления импорта пушнины в Центральную Европу. Действительно, становление в Богемии такого нового политического центра как держава Маробода не могло не привести к росту потребности в импорте туда престижных товаров, в том числе и импорту пушнины, всегда ценимой германцами. Отсутствие же таких связей (допустим, с окружением Ариовиста) в предшествующий период LT-D₁ (≈ 120—60 гг. до н. э.) разумнее объяснить последствиями кимврского продвижения и блокадой или враждебностью по отношению к римлянам и их союзникам со стороны гето-скифо-бастарно-греческой коалиции (Bredow 1998: 1026) времени Митридата Евпатора (120—63) и Буребисты (убит в 44 г.).

Скорее всего, причиной движения бастарнов вдоль Карпат на юго-восток и затем на Балканы был, кроме тех или иных факторов их внутренней жизни, фактор влияния средиземноморского мира вдоль древней

коммуникационной оси Висла/Западный Буг — Днестр/Южный Буг. Продвижение же зарубинцев в глубины лесного мира в Полесье этими факторами вряд ли можно объяснить, т. к. оно было направлено практически в противоположном направлении. Что являлось притягательной силой этого движения? Очевидно, что это были представления о каких-то богатствах этих лесных территорий. Вряд ли это было плодородие почв: земли вдоль Березины и Днестра от Бобруйска до устья Сожа и вдоль Десны на Черниговщине вряд ли выигрывают в этом отношении по сравнению с украинским Поднепровьем. Скорее, это могли быть представления о тамошних промысловых угодьях, сохранявшиеся со скифско-милоградских времён вдоль коммуникаций, связывавших Верхнее Поднепровье с Кельтикой. С этими путями бастарны познакомились после того, как выдвинулись из Средней Европы к восточным Карпатам и совершили оттуда походы на Балканы. Вполне возможно, бастарны и поставили под свой контроль эти трансрегиональные коммуникации, оказавшиеся «бесхозными» после гибели Великой Скифии в кон. IV — нач. III в. Сарматы, двигаясь с востока и осуществляя лишь периодические набеги через Днепр, вряд ли успели сделать это до прихода бастарнов, т. к. территория к западу от Днестра долгое время представляла собой, как считает большинство исследователей, своего рода Дикое поле вне контроля какой-либо политической силы. В рамках такой модели трудно представить, что бастарны не попытались бы использовать выгоду от контроля за путями, использовавшимися до этого для экспорта перспективного товара. Это хорошо объясняет распространение ранних зарубинецких памятников на севере — на Днестре и Березине, на Десне и Сейме — в местах с богатыми промысловыми угодьями. Большое значение пушного промысла во многом скотоводческом хозяйстве зарубинцев признано исследователями (Русанова, Максимов 1993: 32 лев.). И учитывая близость зарубинецкой и лукашовской культур, а также мнение многих исследователей об отождествлении их носителей с бастарнами, гипотеза о функционировании «бастарнского» пушного пути не выглядит фантастической. Не исключено, что конечным пунктом его были политические центры Среднего Подунавья как до нашествия кимвров (бои, норики, скордиски), так и после митридатовско-буребистской паузы, когда вновь восстановились связи с западом — с Нориком и с царством Маробода (8 г. до н. э. — 18 г. н. э.).

Балтийские вене́ды

Гибель дунайской Кельтики под ударами свевов и гетов (в 80-х—60-х гг.), возможно, привела к переориентации торговых связей с суши на море. Выгодополучателями тут должны были оказаться те, кто контролировал периферийные зоны: прибрежную атлантическую до Балтики и причерноморскую до Танаиса. На западе армориканские венеты осуществляли торговые поездки из Галлии не только в Британию и до устьев Рейна (Caes. Gall. III 8—9), но и, как показывает внимательный анализ источников, по крайней мере на 63 г. до н.э. далее на восток вдоль побережья — скорее всего и вдоль южного берега Балтики до янтарного берега (Нер. apud Mela III 5, 45 et Plin. nat. II 170 — анализ источника см.: Шувалов 2015). Но в 56 г. до н.э. венеты были разгромлены Цезарем, их сенат и океанский флот погибли (Caes. Gall. III 16), и их морскому владычеству должен был прийти конец: показателем степени катастрофы является тот факт, что во время высадки Цезаря в Британии ему, судя по всему, не у кого было получить достоверную информацию о местах, удобных для высадки (Caes. Gall. IV 20—21), и пришлось высаживаться наугад, видимо не найдя хороших лоцманов (Caes. Gall. IV 23—24). После этого морской путь на восток от устья Рейна оказывается свободен от венетского контроля из Арморики. И тут на юго-востоке Балтики сначала появляются «бель<г>и» (*Belcae* — Mela III 36, 57 — Шувалов 2017: 88—89, 244, рис. 5) — возможно как обобщающий термин (включая, в отличие от Цезаря, жителей Арморики, в т.ч. тех же венетов — Strab. IV 3,1; 4,1. 3 p. 192. 194. 196 Casaub.): место венетов, как организаторов мог занять кто-то другой из бельгов. А затем, или возможно и тогда же (из-за отсутствия хороших письменных источников мы не знаем деталей) на юге Балтики появляются венеты, как видимо, своего рода забытая фактория некогда могущественных армориканских венетов (Шувалов 2015). По Птолемею вене́ды — один из пяти главных народов между Балтикой и Чёрным морем и единственный большой народ на балтийском побережье, носящем их имя (Шувалов 2013). Они соседят со скирами и Вислой по Плинию, что возможно указывает на их продвижение внутрь континента. В новых условиях балтийские венеты становятся незаменимым звеном в трансрегиональном перераспределении материальных ресурсов: они так же, как и бастарны (певкины у Тацита), «ради грабежа рыщут по лесам и горам» (*nam*

quidquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur latrocinii pererrant — Tac. Germ. 46, перевод: Бобович 1993: 372). Что может быть целью этих грабительских набегов (*latrocinium* ‘разбой, бандитское нападение, грабёж’) на леса и горы? Под «горами» вряд ли скрываются далёкие Карпаты, а скорее лесистые холмы Восточной Пруссии, Прибалтики, Белоруссии и Смоленщины «между бастарнами и саамами» (*inter Peucinos Fennosque*), о которых Тацит конечно же имел весьма смутное представление. Скорее всего, он применил тут обычный риторический троп «леса и горы» (*silvae ac montes*), т.к. для жителя Средиземноморья лес, как правило, располагается на горе или холме). Если исключить фактор межплеменной вражды с охотой «за головами» и славой, то целью таких *latrocinia* должна быть добыча: рабы и продукты лесного хозяйства, которые могли быть обменены на полезные товары (отсюда, кстати, и осведомлённость информантов Тацита!). В то же время Янтарный берег оказывается в руках загадочных (их сопоставляли и с оссиями Птолемея, и с осисмиями/остимиями Арморики) до того не известных эстиев, которые как-то делят его с венедами (по Птолемею). При этом вене́ды контролируют то (сначала?) весь регион, включая и само побережье Венедского залива, и, видимо, Венедские горы внутри территории (Ptol. geogr. III 5 — Шувалов 2013), то (затем?) лишь внутренние обширные территории, соседя там с певкинами-бастарнами, феннами-саами, сарматами, скирами, гиррами, Вислой, горами и лесами (Tac. Germ. 45; Plin. IV 97; cf. tab. Peut. VII 1. 4 — Подосинов 2002: 322—328). При этом при контактах с жителями побережья торговцы янтарём используют британский язык («а язык их ближе к британскому» — Tac. *ibid.*), что указывает на западных информаторов Тацита (о привычке жителей внутренней Британии одеваться в меха: *pellibusque sunt vestiti* — Caes. Gall. V 14,2): либо источники Тацита были достаточно старыми, либо западные торговые связи оставались активными и после возобновления сухопутного Янтарного пути при Нероне (см. например, ориентированное с очевидностью на запад описание Балтики Птолемея — Шувалов 2013).

Переселившиеся на рубеже н.э. (не позже 6 г.н.э.) на юг Балтики готы перенесли имя своих соседей венетов (**winiðos*) на население восточноевропейских лесов, среди которого были и носители праславянского. После восстановления при Нероне конкурентного древнего континентального Янтарного

пути через Дунай, несомненно произойдёт некоторое ослабление влияния в этом регионе морских торговцев с запада. Возможно поэтому произойдёт полный отрыв «венетов» от Балтики, или же они просто были вытеснены с берегов эстиями и готами. Возможно также, что первоначальная база армориканских венетов на Балтике погибла, сами они исчезли, а осталось только имя, закрепившееся за их контрагентами и жертвами их экспансии в лесу. Так или иначе с сер. II в. восточноевропейские венеты/венеды постепенно исчезают из поля зрения античных авторов, сохраняясь дольше в географических сочинениях (Птолемей и Певтингерова карта), если не считать конъектуры К. Мюлленхофа к Веронскому латеркулу (lat. Ver. 13,37). Контроль за лесом и живущими в нём «винидами» постепенно переходит к готам, в контакте с которыми и сформируется раннее славянство. При этом лесная зона становится всё более проницаемой как и для средиземноморских, так и региональных импортов: фибул, амфор, монет, эмалей.

Эти процессы перестройки международных торговых связей, видимо, сказались и на ситуации в самой лесной зоне, находившейся под давлением с запада из Восточной Пруссии и с юго-востока со стороны роксолан. К кон. I тыс. до н. э. происходит унификация материальной культуры между регионами восточной Литвы и средней Белоруссии (Егорейченко 1996: 67). Во втор. пол. I в. до н. э. штриховики заняли верхний и средний бассейны Березины и прилегающее Полесье (материалы с городищ Ивань, Петровичи, Мысли — Рассадин 2005: 22). В результате этого проникновения с запада милоградское население в средней Белоруссии было окончательно ассимилировано (Егорейченко 1996: 68). При этом бывшая территория милоградской культуры была разделена между новыми хозяевами: штриховиками с северо-запада и зарубинцами с юга примерно по линии среднего течения левых притоков Припяти (Егорейченко 1996: 73). При этом, вдоль линии соприкосновения с зарубинцами как на городищах штриховиков, так и на городищах днепро-двинской культуры в верховьях Днепра происходит строительство новых городищ и реконструкция старых с переходом на многоярусную систему укрепления. В результате в лесной зоне устанавливается новый баланс сил, который будет нарушен лишь во второй четв. I тыс. с проникновением носителей киевской культуры (Егорейченко 1996: 74). Фактически лесные угодья были разделены на две сферы

влияния: западную зону, тяготевшую к балтийскому побережью, и юго-восточную, тяготевшую к сарматской степи. Распространение глазчатых фибул и эмалей отражает этапы этого освоения лесной зоны. Дальнейшие события (сарматский удар по зарубинецкой культуре, продвижение алан, язигов и роксолан, дакийские войны Траяна, переселение готов) мало что изменяют в этой картине. Передвижения в лесу во II—III вв. вполне укладываются в ту же модель борьбы за контроль над лесными угодьями под давлением более южных соседей (поздне-зарубинецкие группы и, затем, киевская культура), зависимых от тех, кто контролирует степные коммуникации (роксоланы, аланы и, затем, готы), или более западных соседей, имеющих выходы к устью Вислы.

Гуннская мода, балты и Кассиодор

Романизация Кельтики и Британии, а также распространение престижа римского образа жизни среди германской знати должны были привести к падению спроса на меха и к снижению давления на лесную зону. Однако в кон. IV в. вместе со всеми новшествами начавшейся эпохи Великого переселения народов ситуация с мехами кардинально меняется. Аммиан Марцеллин в начале V в. сообщает о гуннской одежде из льна или сшитой из шкур лесных «мышей» (*indumentis operiuntur linteis vel ex pellibus silvestrium murum consarcinatis* — Amm. XXXI 2,5). Количество упоминаний мехов в латинских текстах с V в. резко возрастает, а также в латинском языке в дополнение к существующим словам (*pellis, pellitus, scorteus, scortea*) возникает масса новых до того не засвидетельствованных слов со значением ‘сделанный из меха’, ‘мех’, ‘одежды в мех’ (*pellicius, pellicium, pellura, pelliris, pelleus, pellinus, pelleatus*) и со значением ‘бобровый’, ‘бобровый мех’, ‘одежды в бобровый мех’, ‘выдровый’ (*bebrinus, fibrinum, castorinatus, castoreatus, castorius, lutrinus*). Такой взрыв терминологии не может быть случаен: ясно, что общество стало испытывать потребность в новых словах для обозначения незначительных или неизвестных до тех пор реалий, их качеств и оттенков. При этом аналогичного явления совершенно не наблюдается в греческом (подробнее см.: Шувалов 2004: 75—76, 103—104). Видимо, распространение моды на меха происходило, в первую очередь, на латинском Западе и в романизированной полуварварской военной среде. Скорее всего, под влиянием гуннской и готской знати среди эпатажной

римской молодёжи распространяются новые варварские нравы, и в моду вместе с популярностью варварских брюк и сапог стремительно входит мех. Власть начинает нервничать, видимо, воспринимая варварскую одежду как выражение каких-то оппозиционных (?) настроений, и пытается с этим законодательно бороться. Так, через полгода после триумфа над Атталом (в июне 416) и через полтора после гибели Атаульфа, покровительствовавшего Атталу, 12 декабря 416 г. Гонорий издал закон о запрете под угрозой наказания в Риме и пригородах моды (*hunc habitum usurpare*) носить длинные волосы и одежду из шкур (*maiores crines, indumenta pellium* — CTh XIV 10,4). Этот закон помещён в кодексе Феодосия сразу после двух законов 397 и 399 гг. (CTh 14,10,2. 3), запрещающих ношение в Риме брюк и особых парфянских сапогов (*usum tzangarum adque bracarum*), что указывает на, скорее всего, общую для всех трёх законов цель — борьбу с распространением моды на варварскую одежду в эти непростые времена. Очевидно, что рост спроса должен был вызвать у поставщиков товаров новую волну интереса к лесной зоне. Но решающим фактором перестройки всей системы становится центр державы Аттилы, на который должны были переориентироваться практически все импортные связи. В 449/450 г. Атила одаривает пришедших к нему римских послов Анатолия и Ному «конями и звериными шкурами, которыми украшают себя царские скифы» (δωρησάμενος δὲ καὶ ἵππους αὐτοῖς καὶ θηρίων δώρας, αἷς οἱ βασιλεῖοι κοσμοῦνται Σκύθαι — Prisc. exc. 14,4 pag. 55 ed. Carolla), что безусловно указывает на чрезвычайную престижность дорогих мехов, как минимум в глазах гуннов, а возможно уже и в представлении римского политического истеблишмента. После же падения власти гуннов, центральное место в европейском барбарике занимают королевские дворы гепидов, герулов и лангобардов, которые, скорее всего унаследовали это престижную норму. Затем их сменяют авары в 568 г. Очевидно, что и гуннская элита, и среднедунайская постгуннская, так же как и аварская, испытывая потребность в поступлении новых партий пушнины, должны были способствовать организации её импорта и промысла.

Во 2-й трети V — 1-й четверти VI в., по наблюдениям исследователей (Ахмедов, Казанский 2004, Михайлова 2018) происходит проникновение в лес немногочисленных, очень хорошо вооружённых, но более высоко социально организованных групп. На некоторых направлениях этой экспансии в качестве

организующей силы, в частности в зоне формирования культуры псковских длинных курганов, видимо выступают какие-то балты (Михайлова 2018), возможно, обладающие остаточным опытом предшествующего времени по контакту с «лесными людьми». Но импульс в виде заказа и спроса на товары лесного промысла исходил, скорее всего, из Среднего Подунавья. Кстати, примерно к этому же времени относятся и многочисленные находки золотых монет как на южном балтийском берегу, так и на островах, что лишний раз указывает на использование старой трассы Янтарного пути не только для торговли янтарём. По мнению этих исследователей, это продвижение на северо-восток повлияло на сложение культуры псковских длинных курганов (рис. 7) и выразилось в серии комплексов, имеющих балто-славянский характер (Kazanski 2000: 425, 427, 440—441; Михайлова 2020). На мой взгляд, эта гипотеза хорошо соотносится с данными по раннему отделению пра-псковско-новгородского диалекта от праславянского (Шувалов 2022). С другой стороны существует скептическое мнение о славянском участии в этом продвижении с юго-запада, «поскольку перечисленные... признаки... или вообще отсутствуют (керамика типа Прага-Корчак), или относятся к культуре местного населения (печи-каменки поселения Деდიловичи)» (Лопатин, Фурасьев 2007: 74). Но вне зависимости от признания или непризнания славянского участия, само проникновение с юго-запада является установленным фактом, генератором же этого проникновения на начальных его этапах вполне могли быть поиски добытчиками пушнины новых промысловых угодий или новых путей к ним в обход конкурентов.

О функционировании пушных путей в нач. VI в. прямо пишет Кассиодор (меха от сеев через тюрингов и от хунугуров — Cassiod. apud Iord. Get. 21. 37): меха доставляются в Средиземноморье, скорее всего в первую очередь в Равенну к остготскому двору. Но очевидно, что не меньшими потребителями должны были быть в это время и королевские и княжеские центры других народов: гепидов, герулов, лангобардов, тюрингов, франков, вестготов, бургундов и т.д. Видимо, происходит возрастание спроса и выявляется недостаток предложения. В результате на севере начинается промысловое освоение саамских угодий шведами с помощью суоми и корелы, которые, в свою очередь, видимо обирают саамов (Шувалов 2014). В восточноевропейских же лесах происходит труднообъяснимое продвижение славян с юга на се-

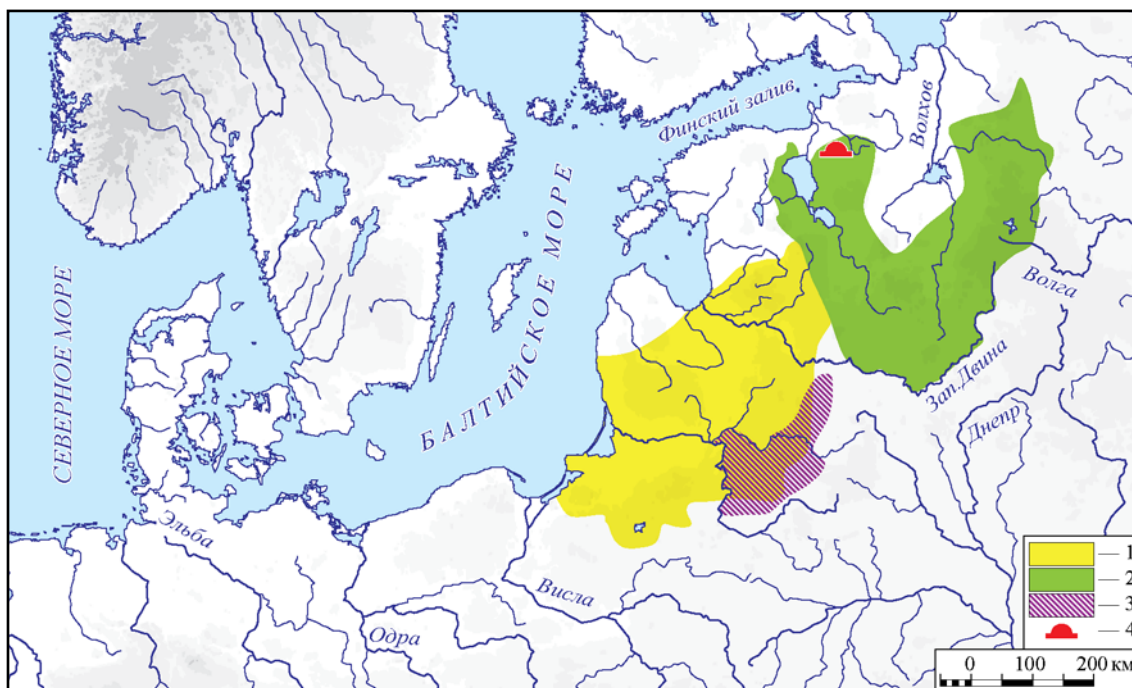


Рис. 7. Территории балтских культур и культуры псковских длинных курганов по (Михайлова 2018: рис. 1). 1 — территория балтских древностей в поздний период эпохи переселения народов; 2 — территория культуры псковских длинных курганов; 3 — территория культуры восточнолитовских курганов; 4 — Доложский погост. Суммарный ареал распространения, как и ареал распространения восточнобалтских курганов собственно псковских длинных курганов вытянуты «языками» от Немана на северо-восток в направлении таёжной зоны.

Fig. 7. The territories of the Baltic cultures and the culture of the Pskov long mounds (after Михайлова 2018: рис. 1). 1 — the territory of the Baltic finds in the late period of Greate Migrations period; 2 — the territory of the culture of the Pskov long mounds; 3 — the territory of the culture of the East Lithuanian barrows; 4 — Dolozhsky Pogost. The total distribution area, as well as the distribution area of the Pskov long mounds themselves, are extended by “tongues” from the Neman to the northeast in the direction of the taiga zone.

вер, возможно при стимуляции со стороны кочевников (гуннов, булгар, авар, тюрок, хазар). При этом местное «балто-славянское» население либо постепенно славянизируется, либо вытесняется.

Проведённый обзор источников показывает, что предложенная в начале статьи интерпретационная модель не вступает в противоречие с картиной, получаемой по письменным источникам и выстроенной с учётом существующих представлений о развитии лесной зоны по данным археологии. В то же время, мы не рассмотрели тут отдельно остеологический материал, полагаясь лишь на от-

дельные суждения исследователей того или иного памятника. Соответственно, в дальнейшем требуется соотнести предложенную модель с критическим анализом данных остеологии всего восточноевропейского региона. Кроме того, встаёт вопрос о функционировании в римское время других форм взаимодействия восточноевропейской лесной периферии и Средиземноморья, например: экспорта рабов, мёда, дёгтя и т. п. В любом случае, очевидно, что последствия прямых или опосредованных воздействий средиземноморской цивилизации и среднеевропейского региона на лесную зону имели временами решающее значение для изменения направления и скорости развития Восточной Европы.

Литература

- Алексеев А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV вв. до н.э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Анфертьев А. Н. 1991. Иордан: перевод и комментарий. В: Гиндин Л. А., Литаврин Г. Г. (ред.). *Свод древнейших письменных известий о славянах*. Т. I (I—VI вв.). Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 98—169.
- Археология СССР в скифо-сарматское... 1989: Мелюкова А. И. (отв. ред.) 1989. *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Археология СССР 11. Москва: Наука.
- Ахмедов И. Р., Казанский М. М. 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст. В: Горюнова В. М., Щеглова О. А. (отв. ред.). *Культурные трансформации и взаимодействия в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 168—202.
- Бидзия В. И., Щукин М. Б. 1993. Памятники латенской культуры на территории Закарпатья и к востоку от Карпат. В: Русанова И. П., Сымонович Э. А. (отв. ред.). *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э.* Археология СССР 13. Москва: Наука, 67—84.
- Бобович и др. 1993: Бобович А. С., Боровский Я. М., Сергеев М. Е. (подг.). *Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах*. Москва: Ладомир.
- Брассер [Brasser T. J.] Т. Дж. К. 1978. Прибрежные алгонкины — народ первых рубежей. В: Аверкиева Ю. П. (пер., ред.). *Североамериканские индейцы*. Москва: Прогресс, 31—65.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я. 1997. Сарматы и гибель «Великой Скифии». *ВДИ* (3), 93—103.
- Виноградов Ю. Г. 1989. *Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование*. Москва: Наука.
- Воронятов С. В. 2012. Постзарубинецкие памятники типа Рахны и их соотношение с сарматскими древностями междуречья Южного Буга и Днестра. *РА* (1), 69—81.
- Воротинская Л. С. 2011. Проблема Kronenhalsringe. В: Мачинский Д. А. (ред.). *Европейская Сарматия: сборник, посвященный М. Б. Щукину*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 199—207.
- Вязов Л. А., Асылгараева Г. Ш., Гисматулин М. Р. 2021. Изучение археозоологической коллекции городища Ашна-Пандо в Среднем Посурье. *Stratum plus* (4), 125—140.
- Доватур и др. 1982: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. 1982. *Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты. Перевод. Комментарий*. Москва: Наука.
- Дольник В. Р. 2007. *Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей*. Санкт-Петербург; Москва: Петроглиф; КДУ; МПСИ.
- Дробушевский А. И. 2002. Латенский импорт в Беларуси (ранний период). *ГАЗ* 17, 54—62.
- Дробушевский А. И. 2011. Этнокультурные изменения в междуречье Днепра и Десны на рубеже нашей эры. *ГАЗ* 26, 76—83.
- Дробушевский А. И. 2016. Хронологическое соотношение милоградской и зарубинецкой культур в Гомельском Приднепровье. *Деснинские древности* VIII, 65—83.
- Дробушевский А. И. 2017. Зарубинецкая культура и культура Ясторф. В: Родинкова В. Е., Румянцева О. С. (отв. ред.). *Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур*. РСМ 19. Москва: ИА РАН, 17—34.
- Егорейченко А. А. 1996. *Древнейшие городища белорусского Полесья (VII—VI вв. до н.э. — II в. н.э.)*. Минск: б/и.
- Егорейченко А. А. 2006. *Культуры штрихованной керамики*. Минск: БГУ.
- Ерёмченко В. Е. 1989. Археологическая карта милоградской культуры. В: Герд А. С., Лебедев Г. С. (ред.). *Славяне. Этногенез и этническая история*. Ленинград: ЛГУ, 76—105.
- Ерёмченко В. Е., Щукин М. Б. 1992. Кимры, тевтоны, кельто-скифы и некоторые проблемы хронологии среднего и позднего Латена. В: Щукин М. Б., Гей О. А. (ред.). *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени: по материалам первых Тихановских чтений*. Санкт-Петербург: Ойум, 80—115.
- Казанский М. М. 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов. *Stratum plus* (4), 17—127.
- Казанский М. М. 2016. Оногтуры в пост-гуннское время на Дону. *Дивногогорский сборник* 6, 96—111.
- Казанский М. М. 2017. Приазовские хунугуры, меховая торговля и водные пути. В: Зинько В. Н., Зинько Е. А. (ред.-сост.). *XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути — товары — отношения*. Материалы международной научной конференции. Симферополь; Керчь: НИЦ ИАК КФУ; БФ «Деметра», 218—229.
- Казанский М. М. 2020. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V — середина VI в.) в восточной Европе. *МАИЭТ* 25, 90—167.
- Кренке Н. А. 2011. *Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.* Москва: ИА РАН.
- Кулешов В. С. 2012. К предистории древнерусской платежной гривны. *ТГЭ* 61, 151—174.
- Лопатин Н. В., Фурсаев А. Г. 2007. *Северные рубежи раннеславянского мира в III—V вв. н. э.* РСМ 8. Москва: ИА РАН.
- Лошенко М. И. 2011. *Городища милоградской культуры на территории Беларуси*. Минск: Минская фабрика цветной печати.
- Маршак Б. И. 2006. Серебро за меха. В: Залесская В. Н. (науч. ред.). *Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов*. Санкт-Петербург: ГЭ, 72—82.
- Медведев А. М. 2011. *Верхнее Понеманье в раннем железном веке*. Минск: Белорусская наука.
- Мельниковская О. Н. 1967. *Племена южной Белоруссии в раннем железном веке*. Москва: Наука.
- Мелюкова А. И. 1989. Краткие сведения об истории скифов. В: Мелюкова А. И. (отв. ред.) 1989. *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Археология СССР 11. Москва: Наука, 33—36.
- Мелюкова А. И. 1989а. Культура фракийских племен Днестровско-Прутского междуречья в VI—III вв. до н.э. В: Мелюкова А. И. (отв. ред.)/1989. *Степи*

- европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР 11. Москва: Наука, 83—87.
- Михайлова Е. Р. 2018. «Балтский след» в культуре псковских длинных курганов? В: Егорейченко А. А. (ред.). *Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I — начале II тысячелетия нашей эры*. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Э. М. Загоруйского Минск, 6—7 декабря 2018 г. Минск: БГУ, 173—184.
- Мишин Д. Е. 2002. *Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье*. Москва: ИА РАН; Крафт+.
- Нефедова Е. С. 1992. К вопросу о браслетах «латенского стиля». В: Шукин М. Б., Гей О. А. (ред.). *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени*. Санкт-Петербург: Ойум, 21—34.
- Пархоменко В. А. 1938. Древняя история России в освещении Ключевского и Преснякова. *ВДИ* 3 (4), 199—203.
- Петренко В. Г. 1989. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы. В: Мелюкова А. И. (отв. ред.) 1989. *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Археология СССР 11. Москва: Наука, 67—80.
- Подосинов А. В. 2002. *Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий*. Москва: Индрик.
- Потин В. М. 1993. *Монеты, клады, коллекции. Очерки нумизматики*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб.
- Рассадин С. Е. 2005. *Милоградская культура: ареал, хронология, этнос*. Минск: Институт истории НАН Беларуси.
- Русанова И. П., Максимов, Е. В. 1993. Зарубинецкая культура. В: Русанова И. П., Сымонович Э. А. (отв. ред.). *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.* Археология СССР 13. Москва: Наука, 19—39.
- Североамериканские... 1978: Аверкиева Ю. П. (пер., ред.). 1978. *Североамериканские индейцы* [North American Indians in historical perspective/ed. E. V. Leacock, N. O. Lurie. NY, 1971]. Москва: Прогресс.
- Симоненко А. В. 2018. О сарматском завоевании Скифии. *НАВ* 17 (1), 27—49.
- Скржинская 1960: Скржинская Е. Ч. (пер., комм.). 1960. *Иордан. О происхождении и деяниях гетов. "Getica"*. Москва: Издательство восточной литературы.
- Тохтасьев С. Р. 2005. *Sauromatae—Sarmatae—Syrmatae. Херсонесский сборник* 14, 291—306.
- Фентон У. Н. 1978. Ирокезы в истории. В: Аверкиева Ю. П. (пер., ред.). 1978. *Североамериканские индейцы*. Москва: Прогресс, 109—156.
- Хелм Дж., Ликок Э. Б. 1978. Охотничьи племена субарктической Канады. В: Аверкиева Ю. П. (пер., ред.). 1978. *Североамериканские индейцы*. Москва: Прогресс, 361—397.
- Хикерсон Г. 1978. Племя чиппева с севера Великих озёр: очерк социально-политических перемен. В: Аверкиева Ю. П. (пер., ред.). 1978. *Североамериканские индейцы*. Москва: Прогресс, 157—192.
- Шадыра В. I. 2006. *Беларускае Падзвінне*. Минск: Інстытут гісторыі Беларусі.
- Шадыро В. И. 1985. *Ранний железный век северной Белоруссии*. Минск: Наука и техника.
- Шаров и др. 2011: Шаров О. В., Палагута И. В., Хаврин С. В. 2011. Находки кладов римских монет в районе Копорья. *РАЕ* 1, 336—360.
- Шаров и др. 2015: Шаров О. В., Палагута И. В., Хаврин С. В. 2015. Анализ металла кладов римских монет в районе Копорья. *Археологические вести* 21, 148—161.
- Шмидт Е. А. 1992. *Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. — III в. н. э.)*. Москва: Прометей.
- Шувалов П. В. 2004. *Pelles sappherineae* и Восточный путь. К вопросу о политической истории Балто-Скандии в V—VI вв. В: Мачинский Д. А. (научн. ред.). *Ладога и Глеб Лебедев. 8-е чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор, 73—108.
- Шувалов П. В. 2009. Зачатие Руси: пушные пути Европы и устная традиция. *ТГЭ* 49, 75—88.
- Шувалов П. В. 2012. Тюринги, герулы и бубегены (ещё раз о *pelles sappherineae*). В: Мачинский Д. А. (научн. ред.). *Истоки славянства и Руси. Сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской. Старая Ладога 24—25 декабря 2005*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 175—200.
- Шувалов П. В. 2013. Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея. *Stratum plus* (4), 75—89.
- Шувалов П. В. 2014. Карелы ли карелоты Клавдия Птолемея? В: Мусбахова В. Т. (ред.). *Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии. По материалам XVII Чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22—23 декабря 2012 г.) и XVIII Чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских (Старая Ладога, 21—22 декабря 2013 г.)*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 166—189.
- Шувалов П. В. 2015. Винды и инды на Балтике. *Stratum plus* (4), 175—182.
- Шувалов П. В. 2017. Западные скифы и Скифия в географическом и риторическом пространствах I—VII вв. н. э.: к постановке вопроса об исследовании гео-этнических контекстов (структурированный обзор основных источников). В: Иванчик А., Мордвинцева В. (ред.). *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. — VII в. н. э.)*. Симферополь, Москва: ИП Зуева Т. В., 79—123, 242—244 (рис. 1—5).
- Шувалов П. В. 2022. Менандр, Келагаст и новгородский диалект. В: *Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 15—23 марта 2022 года в Санкт-Петербургском государственном университете*. URL: <http://hdl.handle.net/11701/36133>, 114.
- Шувалов и др. 2020: Шувалов П. В., Шульга Д. П., Кудинова М. А. 2020. Элитное погребение позднего этапа правления династии Северная Вэй с солидом византийского императора Анастасия I. *Stratum plus* (6), 253—262.
- Шукин М. Б. 1994. *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе*. Санкт-Петербург: Фарн.
- Blümner H. (Hrsg.). 1893. *Der Maximaltarif des Diocletian*. Berlin: Reimer.
- Brass E. 1911. *Aus dem Reiche der Pelze*. Berlin: Verlag der Neuen Pelzwaren-Zeitung.
- Braunert H. 1965. Menschenhandel. In: *LAW*, 1915.
- Bredow I von. 1998. Getai. In: *DNP*. Bd. 4, 1025—1026.

- Bredow I von. 2002. Thrakes, Thrake, Thraci. In: *DNP*. Bd. 12/1, 478—484.
- Cleland et al. 2007: Cleland L., Davies G., Llewellyn-Jones L. 2007. *Greek and Roman Dress from A to Z*. London; New York: Routledge.
- Delort R. 1993/1999. Pelz. In: *LexMA*. Bd. VI, 1866—1868.
- Δημητράκου Δ. 1964. Νεὸν λεξικὸν ὀρθογραφικὸν καὶ ἑρμηνευτικὸν. Ἀθήνα.
- Fichtl St., Pierrevelcin G. (editeurs scientifiques) 2008. *Oppida: les premières villes au nord des Alpes*. Projet international sur le thème des oppida celtiques. Strasbourg: Université de Strasbourg — MISHA. URL: <http://www.oppida.org> (accessed 7.12.2020).
- Fluß M. 1921. Scordisci. In: *RE*. Bd. IIA,1 Hbd. 21, 831—835.
- Gigon O. 1965. Poseidonios. In: *LAW*, 2420.
- Helbling A. 1898. *Der Zug der Cimbern und Teutonen*. Winterthur: Ziegler.
- Hennig R. 1930. Der nordeuropäische Pelzhandel in den älteren Perioden der Geschichte. *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte* 23 (1), 1—25.
- Hlady W.M. 1961. Indian Migrations in Manitoba and the West. *Transactions of the Manitoba Historical and Scientific Society*. Series 3. 1960—61 Season. Available at: <http://www.mhs.mb.ca/docs/transactions/3/indianmigrations.shtml> (accessed 7.12.2021)
- Hug A. 1914. Reno (rheno). In: *RE*. Bd. IA, Hbd. 1, 599—600.
- Kazanski M. 2000. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des grandes migrations. In: Mączyńska M., Grabarczyk T. (Hrsg.). *Die spät-römische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 406—459.
- Kazhdan A. 1991. Furrier. In: *ODByz*, 809.
- Lauffer S. (ed.). 1971. *Diokletians Preisedikt*. Berlin: De Gruyter.
- Noonan Th.S. 1985. Furs, fur trade. In: *DictMidAges*. Vol. 5, 325—335.
- Prayon F. 1998. Etrusci, Etruria. II. Archäologie. In: *DNP*. Bd. 4, 177—188.
- Reichstein H. 2002. Pelz und Pelztiere. In: *RGA*. Bd. 22, 547—551.
- Reinhardt K. 1953. Poseidonios 3. In: *RE*. Bd. XXII, Hbd. 1, 558—826.
- Schneider K. 1937. Pellis. In: *RE*. Bd. XIX, Hbd. 1, 369—373.
- Westermann W.L. 1935. Sklawerei. In: *RE*. Supl. VI, 894—1068.

References

- Alekseev, A. Yu. 2003. *Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII—IV vekov do n. e. (The Chronography of European Scythia in 7th—4th Centuries BC)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Anfert'ev, A.N. 1991. In Gindin, L.A., Litavrin, G.G. (eds.). *Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavianakh. Tom I (I—VI vv.) (Corpus testimoniorum vetustissimorum ad historiam slavicum pertinentium. Volumen primum (I—VI saecula))*. Mosquae: Slavic and Balkan Studies Institute; "Vostochnaia Literatura" Publ., 98—169 (in Russian).
- Melyukova, A.I. (ed.). 1989. *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifosarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR 11. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Akhmedov, I.R., Kazanskii, M.M. 2004. In Goriunova, V.M., Shcheglova, O.A. (eds.). *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliianiia v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e (Cultural Transformations and Mutual Influences in the Dnieper Region at the End of Roman Era and in the Early Middle Age)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ., 168—202 (in Russian).
- Bidzilia, V.I., Shchukin, M.B. 1993. In Rusanova, I.P., Symonovich E, A. (eds.). *Slaviane i ikh sosedi v kontse I tysiacheletia do n.e. — pervoi polovine I tysiacheletia n.e. (Slavs and Their Neighbours in the Late I Millennium BC — First Half of I Millennium AD)*. Series: Arkheologiiia SSSR (Archaeology of the USSR) 13. Moscow: "Nauka" Publ., 67—84 (in Russian).
- Bobovich, A.S., Borovskii, Ya.M., Sergeenko, M.E. (prep.). *Kornelii Tatsit (Cornelius Tacitus)*. Moscow: "Ladomir" Publ. (in Russian).
- Brasser, T.J. 1978. In Averkieva, Yu.P. (transl., ed.). *Severoamerikanskii indeitsy (North American Indians in Historical Perspective)*. Moscow: "Progress" Publ., 31—65 (in Russian).
- Vinogradov, Yu.A., Marchenko, K.K., Rogov, E. Ya. 1997. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 93—103 (in Russian).
- Vinogradov, Yu.G. 1989. *Politicheskaia istoriia Ol'viiskogo polisa VII—I vv. do n.e. Istoriko-epigraficheskoe issledovanie (Political History of the Olbian Polis in 7th—1st cc. BC: a Historical-Epigraphical Study)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Voroniatov, S.V. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (1), 69—81 (in Russian).
- Vorotinskaia, L.S. 2011. In Machinski, D.A. (ed.). *Evropeiskaia Sarmatiia: sbornik, posviashchennyi M.B. Shchukinu (European Sarmatia: a Collection of Papers Dedicated to M.B. Shchukin)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 199—207 (in Russian).
- Viazov, L.A., Asylgaraeva, G. Sh., Gismatulin, M.R. 2021. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 125—140 (in Russian).
- Dovatur, A.I., Kallistov, D.P., Shishova, I.A. 1982. *Narody nashei strany v «Istorii» Gerodota (Peoples of Our Country in "Histories" by Herodotus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Dol'nik, V.R. 2007. *Neposlushnoe ditia biosfery. Besedy o povedenii cheloveka v kompanii ptits, zverei i detei (Biosphere's Obstinat Child. Talks on the Human Behavior Among Birds, Animals and Children)*. Saint Petersburg; Moscow: "Petroglif" Publ.; "KDU" Publ.; "MPST" Publ. (in Russian).
- Drobushhevskii, A.I. 2002. In *Historychna-arkhealohichny zbornik (Historico-Archaeological Collected Works)* 17, 54—62 (in Russian).
- Drobushhevskii, A.I. 2016. In *Desninskie drevnosti (Antiquities of the Desna Region)* VIII, 65—83 (in Russian).
- Drobushhevskii, A.I. 2017. In Rodinkova, V.E., Rumiantseva, O.S. (eds.). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ia: varvarskii mir i rozhdenie slavianskikh kul'tur (Europe from La Tène to the Middle Ages: Barbarian World and Birth of Slavic Cultures)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 19. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 17—34 (in Russian).
- Drobushhevskii, A.I. 2011. In *Historychna-arkhealohichny zbornik (Historico-Archaeological Collected Works)* 26, 76—83 (in Russian).
- Egoreichenko, A.A. 2006. *Kul'tury shtrikhovannoi keramiki (Cultures with Stroke Ornamented Pottery)*. Minsk: Belarusian State University (in Russian).
- Egoreichenko A.A. 1996. *Drevneishie gorodishcha Belorusskogo Poles'ia (VII—VI vv. do n.e. — II v.n.r.) (The Earliest Hill-forts of Belorussian Polesye: 7th—6th Centuries BC — 2nd Century AD)*. Minsk: s. ed. (in Russian).
- Eremenko, V.E. 1989. In Gerd, A.S., Lebedev, G.S. (eds.). *Slaviane. Etnogenez i etnicheskaia istoriia (The Slavs: Ethnic Genesis and Ethnic History)*. Leningrad: Leningrad State University, 76—105 (in Russian).
- Eremenko, V.E., Shchukin, M.B. 1992. In Shchukin, M.B., Gei, O.A. (eds.). *Problemy khronologii epokhi latena i rim-*

- skogo vremeni (*Problems of Chronology of La Tène and Roman Period*). Saint Petersburg: "Oium" Publ., 80—115 (in Russian).
- Kazanskii, M.M. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 17—127 (in Russian).
- Kazanskii, M.M. 2016. In *Divnogorskiy sbornik: trudy muzeia-zapovednika «Divnogor'e» 1: Arkheologiya (Divnogor'e Bulletin: the Papers of the Museum-reservation "Divnogor'e" 1: Archaeology)* 6, 96—111 (in Russian).
- Kazanskii, M.M. 2017. In *Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds., comp.). Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Torgovlia: puti — tovary — otnosheniia (Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages. Trade: Ways — Ware — Relations)*. Series: XVIII Bosphorus Readings. Simferopol; Kerch: Institute of Archaeology of the Crimea, Crimean Federal University; "Demetra" Publ., 218—229 (in Russian).
- Kazanskii, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 25, 90—167 (in Russian).
- Krenke, N.A. 2011. *D'iakovo gorodishche: kul'tura naseleniia basseina Moskvyy-reki v I tys. do n. e. — I tys. n. e. (D'iakovo Fortified Settlement: the Culture of the Population of the Moskva River Basin in the 1st Millennium BC — 1st Millennium AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Kuleshov, V.S. 2012. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)* 61, 151—174 (in Russian).
- Lopatin, N.V., Furas'ev, A.G. 2007. *Severnye rubezhi ranneslavianskogo vira v III—V vekakh n. e. (Northern Frontiers of the Early Slavic World in the 3rd—5th Centuries AD)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Loshenkov, M.I. 2011. *Gorodishcha milogradskoi kul'tury na territorii Belarusi (Hillforts of the Milograd Culture on the Territory of Belarus)*. Minsk: "Minskaya fabrika tsvetnoi pechati" Publ. (in Russian).
- Marshak, B.I. 2006. In *Zalesskaya, V.N. (ed.). Vizantijskaia ideia. Vizantiia v epokhu Komninov i Paleologov (Byzantine Idea: Byzantium in the Era of Komnenoi and Palaiologoi)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 72—82 (in Russian).
- Medvedev, A.M. 2011. *Verkhnee Poneman'e v rannem zheleznom veke (The Upper Neman Basin in the Early Iron Age)*. Minsk: "Belaruskaya navuka" Publ. (in Russian).
- Mel'nikovskaya, O.N. 1967. *Plemena Iuzhnoi Belorussii v rannem zheleznom veke (Tribes of Southern Belarus in the Early Iron Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Melyukova, A.I. 1989. In *Melyukova, A.I. (ed.). 1989. Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR 11. Moscow: "Nauka" Publ., 33—36 (in Russian).
- Melyukova, A.I. 1989. In *Melyukova, A.I. (ed.). 1989. Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR 11. Moscow: "Nauka" Publ., 83—87 (in Russian).
- Mikhailova, E.R. 2018. In *Egoreichenko, A.A. (ed.). Etnokul'turnye protsessy na territorii Belarusi v I — nachale II tys.n. e. (Ethnic-Cultural Processes on the Territory of Belarus in the I — Early II Millennia AD)*. Minsk: Belorussian State University, 173—184 (in Russian).
- Mishin, D.E. 2002. *Sakaliba (slaviane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e (Sakaliba (Slavs) in the Muslim World in the Early Middle Ages)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Kraft+" Publ. (in Russian).
- Nefedova, E.S. 1992. In *Shchukin, M.B., Gaj, O.A. (eds.). Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni (Problems of Chronology of La Tène and Roman Period)*. Saint Petersburg: "Oium" Publ., 21—34 (in Russian).
- Parkhomenko, V.A. 1938. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* 3 (4), 199—203 (in Russian).
- Petrenko, V.G. 1989. In *Melyukova, A.I. (ed.). 1989. Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR 11. Moscow: "Nauka" Publ., 67—80 (in Russian).
- Podosinov, A.V. 2002. *Vostochnaia Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii. Teksty, perevod, kommentarii (Eastern Europe in the Roman Cartographic Tradition: Texts, Translation, Comments)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
- Potin, V.M. 1993. *Monety, klady, kolektsii. Ocherki numizmatiki (Coins, Hoards, Collections: Essays on Numismatics)*. Saint Petersburg: "Iskusstvo-SPb." Publ. (in Russian).
- Rassadin, S.E. 2005. *Milogradskaya kul'tura: areal, khronologiya, etnos (Milograd Culture: Area, Chronology, Ethnos)*. Minsk: Institute of History. National Academy of Sciences of Belarus (in Russian).
- Rusanova, I.P., Maksimov, E.V. 1993. In *Rusanova, I.P., Symonovich E, A. (ed.). Slaviane i ikh sosedi v kontse I tysiacheletia do n. e. — pervoi polovine I tysiacheletia n. e. (Slavs and Their Neighbours in the Late I Millennium BC — First Half of I Millennium AD)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 13. Moscow: "Nauka" Publ., 19—39 (in Russian).
- Averkieva, Yu.P. (transl., ed.). 1978. *Severoamerikanskii indeitsy (North American Indians in Historical Perspective)*. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).
- Simonenko, A.V. 2018. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 17 (1), 27—49 (in Russian).
- Skrzhinskaya, E. Ch. (per., komm.). 1960. *Iordan. O proiskhozhdenii i deianiiakh getov (Jordanes: De origine actibusque Getarum: the Getica)*. "Getica". Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).
- Tokhtas'ev, S.R. 2005. In *Khersonesskii sbornik (Chersonessos Collected Papers)* 14, 291—306 (in Russian).
- Fenton, W.N. 1978. In *Averkieva, Yu.P. (transl., ed.). 1978. Severoamerikanskii indeitsy (North American Indians in Historical Perspective)*. Moscow: "Progress" Publ., 109—156 (in Russian).
- Helm, J., Leacock E. 1978. In *Averkieva, Yu.P. (transl., ed.). 1978. Severoamerikanskii indeitsy (North American Indians in Historical Perspective)*. Moscow: "Progress" Publ., 361—397 (in Russian).
- Hickerson H. 1978. In *Averkieva, Yu.P. (transl., ed.). 1978. Severoamerikanskii indeitsy (North American Indians in Historical Perspective)*. Moscow: "Progress" Publ., 157—192 (in Russian).
- Shadyra, V.I. 2006. *Belaruskaya Padzvinne (The Belarusian Part of the Dvina Basin)*. Minsk: Institute of the History of Belarus (in Belorussian).
- Shadyro, V.I. 1985. *Rannii zheleznyi vek Severnoi Belorussii (Early Iron Age of Northern Belarus)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).
- Sharov, O.V., Palaguta, I.V., Khavrin, S.V. 2011. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Annual)* 1, 336—360 (in Russian).
- Sharov, O.V., Palaguta, I.V., Khavrin, S.V. 2015. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 21, 148—161 (in Russian).
- Shmidt, E.A. 1992. *Plemena verkhov'ev Dnepra do obrazovaniia drevnerusskogo gosudarstva (Upper Dnieper Tribes Prior to the Formation of Old Russian State)*. Vol. I. *Dneprodvinskii plemena (VIII v. do n. e. — III v. n. e.) (Dnieper — Dvina Tribes (8th Century BC — 3rd Century AD))*. Moscow: "Prometei" Publ. (in Russian).
- Shuvalov, P.V. 2004. In *Machinskii, D.A. (ed.). Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniia pamiati Anny Machinskoi (Ladoga and Gleb Lebedev. 8th Readings to the Memory of Anna Machinskaya)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 73—108 (in Russian).
- Shuvalov, P.V. 2009. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)* 49, 75—88 (in Russian).
- Shuvalov, P.V. 2012. In *Machinskii, D.A. (ed.). Istoki slavianstva i Rusi. X Chteniia pamiati Anny Machinskoi (Origins of the*

- Slavs and Russia. 10th Readings to the Memory of Anna Machinskaia). Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 175—200 (in Russian).
- Shuvalov, P.V. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 75—89 (in Russian).
- Shuvalov, P.V. 2014. In Musbakhova, V.T. (ed.). *Ladoga v kontekste istorii i arkheologii Severnoi Evrazii (Ladoga in the Context of History and Archaeology of Northern Eurasia)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 166—189 (in Russian).
- Shuvalov, P.V. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 175—182 (in Russian).
- Shuvalov, P.V. 2017. In Ivanchik A., Mordvintseva V. (eds.). *Krymskaia Skifiia v sisteme kul'turnykh svyazei mezhdu Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. — VII v.n. e.) (The Crimean Scythia in the System of Cultural Relations between East and West: 3rd Century BC — 7th Century AD)*. Simferopol, Moscow: "IP Zueva T.V." Publ., 79—123, 242—244 (in Russian).
- Shuvalov, P.V. 2022. In *Tezisy dokladov 50-i Mezhdunarodnoi nauchnoi filologicheskoi konferentsii imeni Liudmily Alekseevny Verbitskoi (50th International Meeting of Philology in Honour of Lyudmila Verbitskaya: Abstracts)*. URL: <http://hdl.handle.net/11701/36133>, 114 (in Russian).
- Shuvalov, P.V., Shul'ga, D.P., Kudinova, M.A. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 253—262 (in Russian).
- Shchukin, M.B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n.e. — I v.n.e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope (On the Turn of Erae. An attempt to construct a model of political events in Eastern and Central Europe during the 3rd century BC — 1st century AD)*. Series: Russian Archaeological Library 2. Saint Petersburg: "Farn LTD C." Publ. (in Russian).
- Blümner, H. (Hrsg.). 1893. *Der Maximaltarif des Diocletian*. Berlin: Reimer.
- Brass, E. 1911. *Aus dem Reiche der Pelze*. Berlin: Verlag der Neuen Pelzwaren-Zeitung.
- Braunert, H. 1965. Menschenhandel. In *LAW*, 1915.
- Bredow, I von. 1998. Getai. In *DNP*. Bd. 4, 1025—1026.
- Bredow, I von. 2002. Thrakes, Thrake, Thraci. In *DNP*. Bd. 12/1, 478—484.
- Cleland, L., Davies, G., Llewellyn-Jones L. 2007. *Greek and Roman Dress from A to Z*. London; New York: Routledge.
- Delort, R. 1993/1999. Pelz. In *LexMA*. Bd. VI, 1866—1868.
- Δημητράκου, Δ. 1964. Νεὸν λεξικὸν ὀρθογραφικὸν καὶ ἑρμηνευτικὸν. Ἀθήναι.
- Fichtl, St., Pierrevelcin, G. (editeurs scientifiques) 2008. *Oppida: les premières villes au nord des Alpes*. Projet international sur le thème des oppida celtiques. Strasbourg: Université de Strasbourg — MISHA. URL: <http://www.oppida.org> (accessed 7.12.2020).
- Fluß, M. 1921. Scordisci. In *RE*. Bd. IIA, 1 Hbd. 21, 831—835.
- Gigon, O. 1965. Poseidonios. In *LAW*, 2420.
- Helbling, A. 1898. *Der Zug der Cimbern und Teutonen*. Winterthur: Ziegler.
- Hennig, R. 1930. Der nordeuropäische Pelzhandel in den älteren Perioden der Geschichte. *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte* 23 (1), 1—25.
- Hlady, W.M. 1961. Indian Migrations in Manitoba and the West. *Transactions of the Manitoba Historical and Scientific Society*. Series 3. 1960—61 Season. Available at: <http://www.mhs.mb.ca/docs/transactions/3/indianmigrations.shtml> (accessed 7.12.2021).
- Hug, A. 1914. Reno (rheno). In *RE*. Bd. IA, Hbd. 1, 599—600.
- Kazanski, M. 2000. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des grandes migrations. In Mączyńska, M., Grabarczyk, T. (Hrsg.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 406—459.
- Kazhdan, A. 1991. Furrier. In *ODByz*, 809.
- Lauffer, S. (ed.). 1971. *Diokletians Preisedikt*. Berlin: De Gruyter.
- Noonan, Th.S. 1985. Furs, fur trade. In *DictMidAges*. Vol. 5, 325—335.
- Prayon, F. 1998. Etrusci, Etruria. II. Archäologie. In *DNP*. Bd. 4, 177—188.
- Reichstein, H. 2002. Pelz und Pelztiere. In *RGA*. Bd. 22, 547—551.
- Reinhardt, K. 1953. Poseidonios 3. In *RE*. Bd. XXII, Hbd. 1, 558—826.
- Schneider, K. 1937. Pellis. In *RE*. Bd. XIX, Hbd. 1, 369—373.
- Westermann, W.L. 1935. Sklawerei. In *RE*. Supl. VI, 894—1068.

Статья поступила в сборник 20 июля 2022 г.

Petr Shuvalov (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg State University¹.

Шувалов Петр Валерьевич (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: p.shuvalov@spbu.ru, peshuv@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6361-4531

Address: ¹ Universitetskaya Emb., 7-9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АДГУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження на Україні. Київ.
АИАПМЗ	— Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України, Полтава.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург.
АЭМК	— Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БГУ	— Белорусский государственный университет. Минск.
БСЭ ²	— Большая советская энциклопедия, 2-е издание. 51 т. Москва: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1950—1960.
БФ	— благотворительный фонд.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГИАМЗ ХТ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМВ	— Государственный Музей Востока. Москва.
ГМЗ	— государственный музей-заповедник.
ГУ	— государственный университет.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК КФУ	— Институт археологии Крыма Крымского федерального университета. Симферополь.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Академии Наук.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИЭ	— Советская историческая энциклопедия. 16 т. Москва.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІКЗ «Більськ»	— Историко-культурный заповідник «Більськ». Котельва.
КГИАМЗ	— Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник. Краснодар.
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии. Курск.
кол. вкл.	— кольорова вклейка.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИАУ	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург.
КСТ	— Культовое святилище Таракташ.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КФ ІА НАНУ	— Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
ЛО ІА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград.
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МФТИ	— Московский физико-технический институт. Москва.
НА ІА НАНУ	— Научный архив Института археологии НАН Украины. Киев.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

НАН	— Национальная Академия наук.
НАО	— Научное археологическое общество.
НАО	— научно-архивный отдел.
НИЦИАК КФУ	— Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета. Симферополь.
ОАК	— Отчет Императорской Археологической Комиссии. Санкт-Петербург.
ОКН	— объект культурного наследия.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СУАР	— Сынъцзян-Уйгурский автономный район.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
ТНИИЯЛИ	— Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл.
ТОВ	— Товариство з обмеженою відповідальністю.
ХАЭЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ХГУ	— Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦАИ БФ	— Центр археологических исследований Благотворительного фонда.
ЦП НАНУ і УТОПІК	— Центр пам'яткознавства Національної академії наук України і Українського Товариства охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЮНЦ	— Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону.
BAR	— British Archaeological Reports. Oxford.
BAR IS	— British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
DictMidAges	— Strayer J. (ed.). Dictionary of the Middle Ages. NY: Charles Scribner's Sons, 1982—1989. Vol. 1—13.
DNP	— Cancik H., Schneider H., Egger B., Derlien J. und andere (Hrsg.). Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike. 16 Bände (in 19 Teilbänden sowie 6 Supplementbänden). Stuttgart/Weimar: Metzler, 1996—2010.
KIP	— Ziegler K., Sontheimer W. (Hrg.): Der Kleine Pauly, Lexikon der Antike (in 5 Bänden) auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter. München: dtv, 1979.
LAW	— Lexikon der alten Welt. Zürich, Stuttgart: Artemis, 1965.
LexMA	— Lexikon des Mittelalters. 10 Bände. Artemis, München/Zürich/Lachen am Zürichsee). 1977—1999; Neudruck (in 9 Bänden): Stuttgart/Weimar 1999.
ODByz	— Kazhdan A. (ed.) The Oxford Dictionary of Byzantium. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. 3 vol.
RE	— Ziegler K. (Hrsg.): Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neubearbeitung, begonnen von G. Wissowa, fortgeführt von W. Groll und K. Mittelhaus. Stuttgart 1894—1963 (1. Reihe I—XXIX), 1914—1972 (2. Reihe I—X) und 1912—1978 (Supplementbände), Register von H. Gärtner und A. Wünsch. München 1980.
RGA	— Jankuhn H., Beck H., Kuhn H., Ranke K., Wenskus R. (Hrsg.). Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 35 Bände. Berlin; New York: De Gruyter, 1968—2007.
RGZM	— Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz.
SH	— The State Hermitage museum. Saint Petersburg.
SMP TC	— The State museum-preserve "Tauric Chersonesus". Sevastopol.
UMCS	— Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin.